

18+ Я уже поедаю тебя

РАССКАЗАРИЙ

Бекленд Дзот

Бекленд Дзот

Я уже поедаю тебя. Рассказарий

«Издательские решения»

Дзот Б.

Я уже поедаю тебя. Рассказарий / Б. Дзот — «Издательские решения»,

Бекленд Дзот — непревзойденный мастер коротких рассказов, созданных в самых нескучных жанрах — космической и хронофантастике, постапокалиптике, киберпанке, фентези и ужасах. Увлекательный сюжет, хлесткий черный юмор и фирменные, переворачивающие все с ног на голову концовки не оставят равнодушным самого искушенного читателя. В книге «Я уже поедаю тебя» традиционно для проекта «РАССКАЗАРИЙ» собрано пятьдесят отборных рассказов автора.

© Дзот Б.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Один знакомый	6
Часть первая	7
Бестолочь	7
Не верю!	10
Цель оправдывает средства	11
Нужная поза	19
Жажда наживы	21
Махнемся не глядя	24
Деньги для Сюанны	28
Тщетные попытки выцарапать зеркалу глаза	29
Последний честный человек	34
Спасение в будущем	35
Большой семейный праздник	38
Острый приступ воли	39
Часть вторая	44
Я уже поедаю тебя	44
Предназначение	48
Очевидное — невероятное	54
Состояние полета	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Я уже поедаю тебя Рассказарий

Бекленд Дзот

© Бекленд Дзот, 2026

ISBN 978-5-0070-4880-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Один знакомый

Семен Карлович Егоза был веселым человеком. Насмешником таким. Дураком, в общем.

Однажды, захлебываясь от смеха на похоронах родного брата, он заметил в толпе одного знакомого ему человека. Неприметного сутулого человечка с большими ушами. Чем ближе тот подходил, тем яснее Семен Карлович осознавал, что давно знает этого человека. И вот они поздоровались, обнялись, называя друг друга по именам. Потом как-то поспешно этот самый знакомый заторопился уходить, поскольку разговаривать-то им было особо не о чем. Он ушел, попутно поздоровавшись со всеми присутствующими. Как оказалось, его знали и все родственники покойного. Вообще все собравшиеся. Даже музыканты похоронного оркестра и водитель грузовика.

Семен Карлович прыснул со смеху, переваривая это занимательное обстоятельство. И пошел следом, едва сдерживая хохот. Сначала по кладбищу, затем и по улицам города. А потом следил за этим человеком еще три дня, настолько это оказалось увлекательным занятием. Потому что вышло так, что все в городе, так или иначе, знали этого общего знакомого. Этот человек тоже всех знал. Такая вот у него была суперспособность. Странный знакомый здоровался с бомжами и дворниками, трепался на ходу с полицейскими и разносчиками пиццы, обнимался с бандитами и адвокатами, и даже успел перекинуться парой словечек с заезжей негритянской делегацией из Ганы. Одним словом, его узнавали все встречные. Это обстоятельство страшно веселило Семена Карловича, а должно было бы насторожить. Он все ходил следом за тем знакомым человеком, тихонько ржал в кулачок и утирал веселые слезы.

А потом ему стало не до смеха.

Одним солнечным утром общий знакомый заглянул в гости к Семену Карловичу и без разговоров всадил ему нож в сердце. Потому что странный человек давно заметил слежку. Ему это сильно не понравилось. И еще потому, что убийства для него были любимым занятием. Семен Карлович стал лишь очередной жертвой в списке маньяка. Список этот был длинным, так как странный человек без особых усилий настигал свои жертвы. Поскольку шансов предугадать, спастись, не было ни у кого.

Ведь мы все, так легко и не задумываясь, открываем двери знакомому человеку.

[рассказ из цикла «Кое-что о маньяках»]

Часть первая Острый приступ воли

Бестолочь

Даже когда отец уходил из квартиры, с металлическим грохотом захлопывая за собой дверь, от чего вздрагивали оконные стекла на всех этажах панельной «хрущевки», мальчик долго не мог заставить себя обернуться, убедить себя, что никого рядом нет. Еще полчаса он сидел с прямой, как доска спиной (ведь важно соблюдать осанку!), не смея поднять глаза и прекратить чтение очередного учебника. Уши все еще пылали от цепких отцовских пальцев и очередной порции ругани и нравоучений на тему того, что ничего путного из сына не выйдет, потому что он — неисправимый лодырь, лентяй и тупица. Одним словом, бестолочь, позорящая своих родителей. И пока ребенок перелистывал страницу за страницей, пытаясь вникнуть во все эти законы и формулы, обидные слова отца крутились у него в голове, словно заезженная пластинка, дополняя еще один не стихающий, впившийся в кости звук — протяжный звон захлопнутой в ярости двери.

Мальчик сидел на табурете неподвижно, сам больше походя на предмет мебели, и продолжал кропотливо делать уроки. Поставленная в угол тишина нарушалась лишь шорохом бумажных листов и едва слышным поскрипыванием шариковой ручки, испещряющей толстые тетради. Но, постепенно, звуки мира, внешнего мира, который всё же существовал за окном, проникали в комнату, ненавязчиво напоминая, что в этой жизни существует что-то кроме отпечатанной мудрости заумных учебников. Веселые голоса пробегающей во дворе ребятни, рычание машин, пронзительный девчачий писк, звонкие удары по футбольному мячу долетали сквозь неприкрытую форточку, и, в конце концов, заставляли отвлечься от учебы. Ведь он был обычным мальчишкой. Ему хотелось веселиться и играть наравне с другими детьми.

И вот — уже забыты учебники, на ноги натянуты старые китайские кроссовки, и паренек выбежал во двор, окунувшись в беззаботное ребяческое веселье. Казавшееся несбыточным счастье — звонко подпрыгивающий футбольный мяч — теперь совсем рядом. Мальчишка бросился к мячу, в гущу ребятни. Из груди вырвался веселый детский смех. Как это, оказывается, здорово — быть простым ребенком, играть, озорничать наравне со всеми...

— Ах ты, бестолочь! Ну-ка марш домой! — раздался откуда-то ненормально резкий, парализующий вопль.

Парнишка замер, как вкопанный, задрожал крупной дрожью. Голос отца он узнал моментально. Только в этом оглушающем, срывающемся на фальцет крике было столько нескрываемого раздражения и злости.

— Пап, извини, я выбежал только что! На секундочку всего! Я уже все выучил! — заверещал ребенок, уже понимая, что никакие объяснения не помогут, и прощения ему нет.

Фигура отца неожиданно выросла рядом, заслонив собой небо. Холодные костлявые пальцы вцепились в детское ухо, безжалостно его выворачивая.

— Малолетний обманщик! Лодырь! Да тебя и на минуту оставить нельзя!

На глазах всего двора строгий отец выволок нерадивого сына с детской площадки. Ни слезы, ни вопли сына не заставил его ослабить хватку. Только вернувшись в квартиру и наглухо захлопнув входную дверь, мужчина отпустил посиневшее измочаленное ухо. Но, только для того, чтобы потянуться за ремнем...

Когда экзекуция закончилась, заплаканный ребенок был силой усажен обратно на табурет. Под нос брошены новые учебники.

— Надо же! — продолжал разоряться отец, который все никак не мог успокоиться. — Вы только посмотрите на него! Неблагодарный! Я создал ему все условия, чтобы учился. Дал шанс выбиться в люди. А что же получил в ответ? Беспросветную лень и разгильдяйство! Уже и уроки ему сложно выучить! Что за лентяя мы растим?

Мальчик и не думал возражать. Он торопливо перелистывал страницы учебников, глотая льющие ручьем слезы.

— Учись! Учись! — отец схватил сына сзади за шею и ткнул лицом в разворот толстой книги. — Иначе так и останешься бездарным неучем! Ты ничего из себя не представляешь! Кому нужен такой безграмотный дурак! Ты — никчемный тупица! Ничего из тебя не выйдет! Неуч! Лентяй! Бестолочь! Попробуй только еще раз провали вступительные экзамены в институт!

Шестилетний паренек застонал сквозь стиснутые зубы и продолжил чтение «Квантовой механики», пытаясь разобраться в точных решениях одномерного стационарного уравнения Шрёдингера для различных потенциалов...

Много лет спустя, пожиная плоды сотворенного им техногенного апокалипсиса, преступный гений вернулся в родной городок. Пока шестиногие дроиды-сортировщики отбирали из выжившего населения биоматериал, пригодный для нейронного зомбирования и хирургических экспериментов, отсеивая прочее в утиль, он телепортировался на знакомый с детства двор. После атаки заслонившего солнце многомиллиардного роя самокопирующихся нанороботов, от панельных многоэтажек остались разве что обглоданные фундаменты. Но, это было то самое место.

Настало время совершить то, к чему он так долго шел, сокрушая цивилизацию на пути к мировому господству. Искривив пространство, преступный гений торжественно извлек из переносного хранилища футбольный мяч, ухмыльнулся какой-то совсем детской улыбкой и принялся гонять его по двору.

Он заслужил право немного поиграть, ведь он прилежно учился и многого достиг. Даже отец не стал бы с этим спорить.

[рассказ из цикла «Человек-самое опасное животное»]

Не верю!

— Не нужно, право, на меня так смотреть. Я не кусаюсь. Хоть мой седовласый облик и достаточно известен, я все же представляюсь. Зовут меня Джузеппе Пьетто. Да, я тот самый знаменитый театральный режиссер и критик. Работал с разными труппами, а также преподавал в школе актерского мастерства. Даже натаскивал в свое время звезд Голливуда. Одним словом, у меня, ребята, большой опыт.

Меня пригласили поработать с вами. Так и сказали, мастер Джузеппе, надежда только на вас, вы — большой дока по актерской игре, а вот наша игра оставляет желать лучшего. Я был свидетелем вчерашнего представления, тайно сидел среди прочей публики и наблюдал ваше лицедейство. Скажу откровенно, худшего спектакля в жизни не видел. Большинство зрителей вы также оставили равнодушными. Так и хотелось крикнуть во все горло: «Не верю!» Кто тут из вас играет первую скрипку? Жерар Протасевич? Ведь у тебя же первая партия, Жерар! Ну что ты вчера изображал! Тебе даже роль деда мороза на утреннике нельзя доверить! Я с трудом досидел до конца. Мне хотелось уйти и потребовать вернуть деньги за билет. И не нужно сверлить меня гневными взглядами. Признайте, вы были не на высоте.

Но, готов вас обрадовать! Я согласился поработать с вами. В течении следующих трех месяцев мы будем часто встречаться с целью развития вашего актерского мастерства. У вас есть потенциал, я уверен. Нужно просто раскрыть его. Все по системе Станиславского. Поверите в себя и увидите результат. Может, начнем прямо сейчас? Ок!

Итак, дорогие мои, нужно вжиться в роль по-настоящему, заставить зрителя поверить в то, что вы изображаете. Вы здесь все не новички, но послушайте, что вам скажет старый театрал. Актёр должен переживать то, что происходит с персонажем. Эмоции, испытываемые актёром, должны быть подлинными. Актёр должен верить в «правду» того, что он делает, не должен изображать что-то, но должен проживать на сцене что-то. Если актёр сможет что-то прожить, максимально в это уверовав, он сможет максимально правильно сыграть роль. Его игра будет максимально приближена к реальности, и зритель ему тоже поверит. Станиславский писал, что каждый момент вашего пребывания на сцене должен быть санкционирован верой в правду переживаемого чувства и в правду производимых действий...

Минуло три месяца. И зрители, пришедшие на открытие сезона, не пожалели об этом. В своем выступлении Протасевич был великолепен. Все по Станиславскому. Ему искренне сопереживали. В его глазах блестели настоящие слезы, и боль. Каждый зритель прочувствовал это. Это была актерская игра, достойная лучших театров мира. Ему поверили все. В том числе и главный зритель со свистком в руке. Не зря Протасевич в слезах и соплях катался по траве в штрафной. Спектакль удался. Пенальти был назначен.

[рассказ вне циклов]

Цель оправдывает средства

Миссис Китлер яростно кухарничала. Разрывалась между холодильником, мойкой и пышущей жаром плитой. Непростое это дело — накормить шесть голодных ртов, пятеро из которых — дети, требовательно колотящие ложками по столу, а шестой — инфантильный мистер Китлер, спрятавшийся от глаз жены за утренней газетой. На раскаленной сковороде шкворчали и плевались жиром котлеты, распространяя по всей кухне ароматный запах жареной курятины, а также масляные пятна, которые кому-то еще придется оттирать. Впрочем, можно было догадаться, кому сегодня выпадет счастье драить плиту и столы. Ежедневная уборка на кухне, разумеется, входила в святые обязанности миссис Китлер. Никаких автоматизированных механизмов для наведения порядка человечество к 2080 году так и не создало, как и не были придуманы самоочищающиеся тарелки и анти грязевые покрытия для столешницы и плиты. Это и напрягало.

— Как все достало! — не выдержала миссис Китлер, привычно-нервными движениями очищая картофелину от кожуры.

— Извини, дорогая? Что-то произошло? — соизволил поинтересоваться мистер Китлер, не отрываясь от периодики.

— Ничего, дорогой. Ничего не произошло! — домохозяйка сердито всадила нож в очередную клубень. — В этом все и дело! Ничего не происходит, ничего не меняется! Этот мир летит в тартарары, а ты сидишь тут, спокойный, словно... словно... ничего не происходит.

Мистер Китлер, наконец, соизволил отложить газету и обозначил свое мнение:

— Позволю себе не согласиться, дорогая. Этот мир в порядке. В порядке, как никогда раньше. Все мы — двадцатимиллиардное население единого земного государства с одинаковыми правами и обязанностями — живем в гармонии с друг другом под сенью общего планетарного закона.

— Лекции по праву ты своим студентам будешь зачитывать в аудитории, — повернулась миссис Китлер, демонстрируя налипшую на руки картофельную кожуру. — Это все пустая демагогия. Для меня сейчас имеет значение только одно. Только одно объективно — я стою здесь и чищу картошку. Точно так же, как это делала моя мать, ее мать и все наши прабабки до семидесятого колена.

— И что с того?

— Иди, милый мой, и почисти. Почисти, чтоб понять, что с того. Я за сорок лет вот этими руками, наверное, целые вагоны картошки перечистила. Через эту кухню целый картофельный поезд прошел, а ты и не заметил.

Мистер Китлер не нашелся, что ответить и его благоверная перешла в наступление:

— Скажи, ну неужели так сложно было придумать агрегат, который бы сам чистил картошку? Только представь — засыпаешь туда пакетик клубней и получаешь на выходе уже почищенную, нарезанную соломкой картошку — хоть во фритюр кидай!

— По-моему мы уже покупали тебе электрическую картофелечистку, — заметил супруг. — Только вот не припомню, что бы ты ею пользовалась.

— Один раз попробовала и хватит! Для этой пластмассовой электротерки подходила только идеально круглая молодая картошка одного размера, старую и дефективную она чистить отказывалась. И за ней еще полчаса приходилось глазки выковыривать и клубни дочищать. Так что я хочу другую машину, универсальную, чтобы сама со всем справлялась!

— Я уверен, дорогая, рано или поздно такую машину изобретут. Скорее всего, какой-нибудь профессор уже испытывает первый образец.

— Да ни черта не изобретут! — вдруг повысила голос миссис Китлер и пугающе громко швырнула нож в металлическую раковину. Остальные члены семейства моментально притихли, позабыв про чувство голода. — Когда в последний раз изобретали что-то новое? Ну, ну, вспомни-ка!

— Не понимаю, к чему ты клонишь. Массу вещей изобрели. Постоянно что-нибудь новое выпускают, — недоуменно улыбнулся ее супруг и с торжествующим видом выложил на стол недавно приобретенный телефон. — Вот, пожалуйста! Свежая модель — iPhone 48! Как видишь, прогресс не стоит на месте.

— Неужели? И что же изменилось по сравнению с предыдущей моделью? Иконки обновили? И так везде и во всем. Меняют только фасад, внешний вид. Но, ничего, по сути. Никаких коренных изменений, новых идей, впечатляющих открытий. В начале века все по-другому было — мне моя бабка рассказывала. Технический прогресс даже не шел, он мчался такими темпами, что не успевали удивляться. За одно десятилетие стационарные телефоны и пейджеры сменили на сотовые, потом на смартфоны, а затем и твой хваленый iPhone появился. Беспроводной интернет буквально вломился в каждый дом, а с ним и цифровое HD-телевидение. По телевизору каждый день объявляли о свежих изобретениях, научных открытиях и грандиозных достижениях науки. В атомной и нетрадиционной энергетике, нанотехнологиях, медицине и робототехнике рапортовали об успехах и предвкушали новые победы. На орбите собрали международную космическую станцию и собирались шагнуть на Марс! С тех пор прошло семьдесят лет. И что мы получили в результате? Ничего! Пшик! Никаких изобретений и

межпланетных перелетов. На орбите ржавеет уже четвертая по счету МКС — один в один — копия первой. Наш мир словно замер, увяз в сонном болоте сытости да благодати.

— Разве это так плохо? Разве ни к этому стремилось человечество всю свою историю? — попытался вступить за земную цивилизацию мистер Китлер. — Войны, беженцы, голод и эпидемии — все это осталось в далеком прошлом.

— Да уж. Просто всем стало всего хватать. Ресурсов теперь достаточно. Мы набили закрома и едим от пуза. Но, пойми, это же застой! Мы живем в сонном мире. Прогресс остановился. Когда-то люди рождались для того, чтобы что-то свершить, теперь же мы существуем только ради удовлетворения своих примитивных насущных потребностей. Никакого развития, продвижения вперед. Где все эти великие открытия, что были обещаны? Где изобретения? Где Марс? Где моя машина для чистки картофеля, наконец?

Во время этой тирады женщина приняла весьма грозный вид и неотвратимо надвигалась на своего благоверного.

— Хорошо. Пусть так, — пришлось сдаться мистеру Китлеру. — Ну что ты на меня-то взъелась? Я тут при чем?

— При том, что все вы, мужики, обленились и сидите, сложа руки. Могли бы уже давно пошевелить мозгами и что-то предпринять.

— Что предпринять? Я тебе не физик-ядерщик. Мое призвание — политология.

— Все это привычные отговорки, — отмахнулась жена. — Вы просто обленились и перестали выполнять мужскую работу. Но за вас ее никто не сделает.

— О чем это ты?

— Ты прекрасно понял, о чем я говорю. Вы должны засучить рукава и дружно потрудиться, как в прежние времена. Ты и все твои дружки по гольф-клубу. И остальных мужиков с собой заберите и заставьте действовать.

— Не перегибай палку, дорогая! — не выдержал мистер Китлер, рассерженно вскочил на ноги и прошмыгнул мимо разгневанной супруги к выходу. — Я, пожалуй, пойду. На самом деле тороплюсь. В институте настоящий завал. Перехвачу где-нибудь фастфуда, ведь, как я понял, кормить ты меня не собираешься!

— Иди—иди! Перекуси хот-догом по рецепту столетней давности! — напутствовала рассерженная женщина. — Пока идешь, подумай, как исправить ситуацию. Вечером еще поговорим. Не надейся, что я об этом забуду!

Весьма раздосадованный непонятными нападками супруги, а также тем фактом, что его совершенно незаконно лишили традиционного утреннего пюре, мистер Китлер семенил на работу по опрятным улочкам родного города. Ну, как прикажите понимать эту женщину? Какая муха ее укусила? Да, мимо проносились привычные такси и трамваи, а не какие-нибудь там летающие автомобили. Что с того? Ведь стоял прекрасный солнечный день, кругом было чисто и опрятно, люди искренне улыбались друг другу. Все было замечательно. Чего еще желать-то? Но жене ведь не угодишь! Подавай ей технический прогресс!

Понадеявшись, что взбалмошная женщина отвлечется и к вечеру выбросит эти фантазмагорические идеи из головы, мистер Китлер поправил галстук и скрылся за дверьми гуманитарного института.

Но то были напрасные надежды, потому что претензии миссис Китлер возникли не вдруг и не сразу. Долгие годы она вынашивала свое недовольство, внимательно посматривала по сторонам, вглядываясь в лица обленившихся мужчин, которых все устраивало. Сильная половина человечества всегда кичилась своим физическим и умственным превосходством. В прежние времена именно мужчины совершали громкие победы, становились первооткрывателями новых земель и авторами великих изобретений. Но теперь все переменилось. Они перестали

выполнять свою главную мужскую работу, прекратили двигать цивилизацию к светлому будущему. И человечество замерло, словно в летаргическом сне. Мужчины нацепили галстуки и теперь все, как один, занимались перекладыванием бумаг в пыльных офисах. Они убедили себя, что все цели достигнуты. Что это и есть вершина цивилизации, и больше не к чему стремиться.

Миссис Китлер никак не могла смириться с таким положением дел. И она решила все изменить. Разумеется, она — простая слабая женщина — не могла выполнить мужскую работу. Но повлиять на мужчин она, как и другие женщины, могла. Еще как могла.

Поэтому, как только за ее благоверным захлопнулась дверь, разгневанная супруга схватила телефонную трубку и набрала номер подруги. Потом позвонила еще одной знакомой и еще одной. Она не успокоилась, пока не переговорила со всей округой. Все ее подруги также позвонили своим родственникам и знакомым. К концу дня благодаря сарафанному радио план миссис Китлер стал воплощаться в жизнь, принимая поистине планетарные масштабы. Беспокойство этой сердобольной домохозяйки накрепко засело в голове каждой брюнетки, шатенки и рыженькой. Даже блондинок зацепило. Женское общество сплотилось для решения поднятой проблемы. Для мужчин это обстоятельство не предвещало ничего хорошего.

Возвратившись вечером домой, мистер Китлер очень быстро осознал, что никто не забыт и ничто не забыто. Утренний вопрос был поднят женой с удвоенной громкостью и яростной жестикуляцией. Весь вечер прошел на повышенных тонах. Где бы ни пытался скрыться

мистер Китлер — в туалете, ванной и даже подвале — супруга неизменно настигала его, стояла над душой, не прекращая истеричный поток упреков и обвинений. В результате бедняга был вынужден ночевать на разбитом диване в гараже.

— Ты же мужчина! Возьми и что-нибудь сделай! — напутствовала женщина своего супруга.

Направляясь к своему гаражу в пижаме и тапочках, мистер Китлер был окончательно измотан, смертельно хотел спать, поэтому не обратил внимания, что в столь поздний час в соседних домах тоже никто не спит — в окнах горит свет и раздаются женские выкрики. Это живущая справа миссис Рембарк читала мужу лекции о пользе технического прогресса, а соседка слева — миссис Штамб — очень громко и эффективно пилила своего благоверного. Миссис Карбашьян, что обитала в домике напротив, профессионально выносила мозг своему спутнику жизни, а миссис Штраффбаттен со знанием дела завершала распил мистера Штраффбаттена. Так происходило везде и повсюду, в каждом доме и каждой семье.

На следующее утро все мужское население Земли притащилось на работу в невыглаженных рубашках, с красными глазами и урчащими животами. Поначалу мужчины не придали особого значения выходкам жен и не осознали всех масштабов происходящего. Подумаешь — вынесла мозг — с кем не бывает! Но на следующий вечер все повторилось, а потом еще и еще.

Короче женщины очень скоро дали понять, что жизни спокойной у мужчин не будет, пока вновь не сдвинется с места технический прогресс.

— Идите и сделайте что-нибудь! — требовали жены.

— Ступайте и работайте! — кричали они, размахивая скалками.

— Сделайте хоть что-то, вспомните, что вы мужчины! — распекали мужей разгневанные домохозяйки.

Осознав, что с ними не шутят, представители сильной половины человечества отчаянно искали выход из сложившейся ситуации. Никакие цветы, походы в кино и «романтики» проблему не решали. Женщины, отказываясь от любых подарков и принципиально стояли на своем, с каждым днем усиливая давление на расшатанную психику мужчин. На исходе второго месяца разразившегося противостояния, измученные хроническим недосыпанием, нервным тиком и спермотоксикозом мужчины, оглохшие от крика и ругани жен, наконец, сдались и занялись продвижением того самого технического прогресса. Каждый, по крайней мере, попытался это сделать. Кто как мог. Своими руками, уже обожженными утюгом и сковородкой, мужчины пытались собрать что-то принципиально новое, изобрести нечто революционное.

Мистер Китлер, к примеру, попробовал сделать машину для чистки картофеля из деталей кухонного комбайна и мясорубки, которые ради высшей цели без лишних раздумий были пущены под молоток. Несмотря на все усилия, из этой затеи ничего не вышло. Монстрообразное устройство, собранное на коленке своими руками, наотрез отказывалось работать, а при пробном включении еще и пожгло всю электропроводку в доме.

Та же судьба постигла и другие самодельные изобретения мужчин. Летающий автомобиль мистера Штамба не то что летать, а даже ездить отказывался. Устройство для телепортации мистера Карбашьяна, собранное на базе семейного холодильника, позволило переместить в пространстве только одну вещь — скалку жены в направлении головы супруга. А домашний робот мистера Штраффбаттена, который от отчаяния был слеплен из нескольких пенопластовых коробок, скотча и соседского мальчишки, невзначай забежавшего за солью — при первой же активации разнес сослепу половину дома и с диким криком припустил вниз по улице.

По всему миру миллионы мужчин лихорадочно пытались что-нибудь изобрести. Но, какими бы умелыми не были руки, какой-бы умной не считалась голова — ничего не получалось. Ни у кого. Было очевидно, что мужчины начисто разучились придумывать новое. Чего-

то им явно не хватало. Что-то было потеряно за прошедший век, что-то, без чего дальнейший прогресс невозможен.

— Дорогая, ты же видишь, я стараюсь. Мы все пытаемся что-нибудь сделать, — обратился мистер Китлер к дражайшей супруге.

— Да? И чего вы добились? Толку-то! Мне не нужны пустые попытки. Мне нужен результат! — безапелляционно отрезала миссис Китлер.

— Мы приложили все силы. Но ничего не выходит!

— Не строй из себя дурака, любимый! Совсем не тем вы заняты. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю! Поодиночке у вас ничего не выйдет. Вы должны действовать сообща. Запомни хорошенько, мы все равно заставим вас делать мужскую работу, от которой вы несколько десятилетий успешно увиливали. Прогресс неизбежен! Так что хватит упираться! Собирайтесь и делайте, все, что необходимо! Мир ждет!

Поразмыслив, мистер Китлер поднял телефонную трубку, позвонил всем своим друзьям и знакомым. Выхода нет, надо собираться и действовать, сказал он. И другие мужчины тоже обзвонили своих коллег и приятелей.

На следующий день все мужское население планеты собрались на главных площадях своих городов. В помятых пиджаках и галстуках, с хмурыми лицами, они пришли раз и навсегда решить возникшую проблему, определиться, что же делать дальше. Включился громкий

звук, пошел телесигнал, и все обратили свои взоры к огромным рекламным дисплеям, которые на скорую руку приспособили для передачи трансляции из тихого американского городка. Там, где это было необходимо, из толпы моментально вызвались переводчики с английского, которые вцепились в микрофоны и начали синхронно переводить для собравшихся каждое слово выступавшего человека, в котором миссис Китлер с удивлением узнала бы своего дражайшего супруга.

Обращаясь к миллиардам мужчин на всех континентах Земли, простой профессор политологии чувствовал крупную дрожь в коленях и с трудом владел трясущимся от волнения голосом. Но кто-то должен был сказать эти слова и призвать всех на благую деятельность. Мистер Китлер не спал всю ночь, созванивался, организовывал необходимые приготовления. Теперь ему оставалось последнее — сказать людям правду.

Он не стал напоминать собравшимся про несносное поведение женщин в последние месяцы, в конце концов, это уже не имело значения. Теперь уже мужчины и сами осознавали всю глобальность разразившейся катастрофы. Остановка технического прогресса, по сути, являлась тихой смертью цивилизации. Без движения вперед само существование человеческого вида не имело смысла. Замерший маятник истории нужно было запустить вновь. Новые открытия, технологии нужны были как воздух. Но человечество разучилось изобретать. Мистер Китлер провел многие часы в раздумьях, разбираясь, почему так получилось и что делать дальше. И решение было найдено. Но для его воплощения в жизнь, требовались глобальные усилия всего мужского населения планеты. Собравшиеся мужчины слушали и утвердительно кивали, соглашаясь со сказанным. Придется сообща потрудиться и выполнить настоящую мужскую работу? Почему бы и нет! В конце концов, цель оправдывает средства.

Все мужчины на планете одобрительно загудели, захлопали в ладоши, не замечая, как за их спинами подъезжают и подъезжают, выстраиваясь стройными рядами, крытые серым тентом грузовики. И так происходило в каждом городе.

Под бурю оваций мистер Китлер сошел с трибуны и присоединился к толпе, выражая свою готовность разделить с остальными эту новую тяжкую работу.

Его место на телеэкранах занял рослый гладковыбритый мужчина. На каменном, невозмутимом лице, которое, по большей части, состояло из одного квадратного подбородка, выделялись два яростных бычьих глаза. С неотвратимостью асфальтового катка он поднялся на трибуну и поднял над собой микрофон, словно это был жезл власти.

Он начал говорить, а, вернее, приказывать.

Все мужчины на планете рассчитались на первый-второй и разделились на две большие группы. Среди толпы в каждом городе замелькали люди в хаки, отдающие зычные матерные команды на всех языках. Жадные, нетерпеливые руки сорвали с грузовиков брезентовые тенты, и принялись выдавать всем желающим (да и не желающим, если таковые находились), автоматические винтовки, которые очень долго дожидались своего часа. Кое-кому повезло разжиться и пулеметом. Прямо посреди площадей самосвалы выгружали настоящие горы масляно-блестящих патронов. Их моментально разбирали, трясущимися от позабытого возбуждения руками набивали карманы, целыми горстями запихивали за пазуху.

Уже выстраиваясь по шеренгам, всматриваясь с прищуром в такие нехорошие лица тех, кто собрался на противоположной стороне площади, люди почувствовали всем своим естеством произошедшую перемену. Вот оно! Случилось! Произошло! И мыслишки в голове забегали с совсем другой скоростью. Ведь можем же, когда прижмет! Ибо такова природа человечества, прогресс всегда двигался благодаря войнам. Без Хиросимы и Нагасаки не было бы атомной энергетики, а мечты о космосе остались бы простой фантазией, не задумайся человек о межконтинентальном ядерном оружии.

Сойдя однажды с верного курса на тропинку мирного сосуществования, род человеческий осознал свою ошибку и теперь, вернувшись на прежний путь, с азартом сбежавшего ребенка вприпрыжку поскакал навстречу неизвестности.

Забегая вперед, скажу, что людям предстояло через многое пройти и многое изобрести. В том числе и летающие танки, и фронтовой телепортатор и, конечно, универсальную полевую картофелечистку капрала Китлера. Люди вновь научились думать. Кто виноват, что это у нас лучше всего получается под прицелом автомата?

И первые изменения в сознании произошли уже на той памятной площади. Ведь еще до того, как был отдан долгожданный приказ, один из мужчин сам догадался, как половчее прицепить винтовочный ремень, чтобы оружие не мешало при ходьбе, второй сообразил, что гранаты для большей эффективности нужно кидать связками, ну а третий быстрее всех смекнул, что надо бы выстрелить первым.

[из цикла «Человек — самое опасное животное»]

Нужная поза

- Эй! Сережа. Ты опять! Я так не выплусь!
- Да я только... Мне бы... Мне уже невмоготу. Ты повернись бочком, Лен. Я только... Немного...
- Достал! Что ты за человек такой! Никак не можешь уговориться! Завтра всем на работу!
- Знаю я! Давай просто все сделаем по-быстрому и спать...
- Ладно. Все. Повернулась. Так хорошо? Сам-то что замер? Действуй.
- Пытаюсь... Мне б только всунуть и просунуть. Ох! Уф! Получилось вроде!
- Стой! Ты совсем на меня навалился. Я дышать не могу. Уйди! Сползай, говорю! И не дави на бедро. Хочешь, чтобы синяки остались? Вот так. Ладно, вроде, сейчас нормально.
- Ничего не нормально, Лена. Теперь ты мне пяткой прямо в горло давишь. Как ты вообще так извернулась-то? Акх-кх-кх-xxx...
- Ой, прости! Потерпи, я сейчас ногу уберу... Просто не видно в темноте, где тут что. Может, свет включим и сначала все организуем?
- Прекрати, Лен! Мы восемь лет женаты! Как-нибудь без лампочек разберемся. Не маленькие!
- Что разорался-то? Шепчи потише! Соседей разбудишь!
- ...
- Сереж, ты чего затих? Обиделся что ли?
- Да нет, просто... я же не для себя любимого стараюсь. Хочу, чтобы нам обоим было хорошо.
- Ну, прости. Поза и правда не удобная получилась. Давай по-другому.
- Давай. Только ты осторожней своими бесподобными ногами маши. Коленка так-то не мягче пятки.
- Извини, я ж не специально тебя колочу. Давай, я вот так вытянусь, а ты подсоберешься, компактно руки ноги в комочек свернешь и рядышком пристроишься.
- Уже делаю. Все равно неудобняк! У меня руки почему-то слишком длинные и друг другу мешают.
- Господи! Хорошо. Тогда мы вот что попробуем. Ты одной рукой мою голову нежно держи, а вторую осторожно так, ходом-ходом вдоль позвоночника по часовой стрелке выверни и через подмышку в сторону убери.
- А дальше? Что делать с ней? С рукой?
- Выкини! На пол положи! Как-нибудь с ней разберись! Это же твоя рука, не моя! Сам придумай... Так, ты что делаешь?
- Расстегиваю, Лен. Ты когда успела застегнуться? Сейчас сам расстегну.
- Зачем?
- Ты же сама сказала найти занятие для руки. Вот я и придумал. В любом случае, надо расстегнуть. Ты же — мать двух детей, должна понимать, что без этого у нас ничего не выйдет.
- Не обязательно расстегивать. Можно же оттянуть максимально и просунуть!
- Как хочешь. Только мне эта поза уже не нравится. Может, другую?
- Жду. Предлагай гениальное решение.
- Может, я снизу лягу?
- Вот еще! Будешь, бездельник, блаженствовать, а все ситуацию мне выкруливать! Не пойдет так!
- А давай, вообще, сидя!
- Издеваешься. Еще скажи «стоя»!

— !!!

— Ты что делаешь, Сережа? Смеешься что ли? Лежит там, тихонько хихикает сам себе!

— Похоже, мы совсем старые стали, Лена. В молодости нам с тобой ничего бы не помешало. Давно бы уже все сделали и сны смотрели.

— Правда. Чего мы только не вытворяли, Сережа, вспомни! Это мы сейчас ничего придумать не можем, когда нас двое. А если бы третий был? Обычно же нас трое было.

— Как правило, мы оказывались втроем. И как-то со всем справлялись. Эх, старость — не радость! Хорошо, когда третьей девушка стройная попадалась.

— Ты прав. Сама удивляюсь, но с этим согласна. Лучше уж худенькая девчонка, чем мужик килограмм на сто пятьдесят.

— Ладно, давай уже сделаем это. Я нам отличную позу придумал — Кама сутра отдыхает. А то на нас уже со всех сторон смотрят и ржут...

Но улечься на трех креслах и хоть немного выспаться супругам не удалось, потому что в этот момент зажегся свет, табло «Пристегните ремни», и самолет пошел на посадку.

[из цикла «МД»]

Жажда наживы

Стояла зимняя ночь. Безоглядно долгая, студеная и злая. Заблудившийся среди многоэтажек ветер бездумно перетаскивал по улицам высохший снег. Любой человек сейчас предпочел бы сидеть дома, в тепле и уюте, на удобном домашнем диване перед телевизором.

Но эти трое вышли сегодня на дело. Чахлый и Ржавый были грабителями-рецидивистами и за свою жизнь вскрыли немало сейфов. Сегодня они, наконец, решились сорвать большой куш — опустошить банковское хранилище. Как часто бывает в таких ограблениях, дело не обошлось без бывшего работника банка, который боязливо трусил чуть позади уголовников и беспокоил своих подельников глупыми вопросами и опасениями.

— Слышь, ты, фраерок! Закрой хайло и хватит ссать! — не выдержал Ржавый, чуть повернув голову. — Ты уже подписался на тему, так что соскочить не получится!

— Кончайте барагозить, вы оба! — прикрикнул хриплым шепотом второй грабитель. — Захлопните пасти, палево вокруг! На первом скачке все стремяют. Но если хотите красиво жить и держать задницу в тепле, нам нужно раздобыть денег. Целую гору бабла, чтоб надолго хватило!

Внушение возымело свое действие, и весь оставшийся путь грабители прошли молча. Ну, вот и банк!

С проникновением в здание и охраной никаких проблем не возникло. Все шло точно по схеме. Бывший работник банка оказался полезен. В его руках откуда-то появлялись нужные ключи, замки открывались один за другим, с немилосердным скрипом распахивались двери и решетки. Вскоре все трое в благоговейном молчании застыли перед стальной круглой дверью главного банковского хранилища. Цель бы близка.

— Вскрывать! — нетерпеливо взмолился Ржавый.

Пока бывший работник банка колдовал с замком, Чахлый почти дышать перестал. Его глаза лихорадочно бегали, а уши ловили малейший звук, доносящийся из коридоров. Никогда еще заветная добыча не была так близко. Жажда наживы овладела грабителями, и, когда метровая стальная дверь распахнулась, они были вознаграждены за ожидание.

Хранилище было доверху забито деньгами. Стопки новеньких банкнот были уложены вдоль стен аккуратными штабелями.

— Мама родная, сколько бабла! Вот подфартило! — воскликнул Ржавый. — Я столько в жизни не видел! Вот теперь, братва, заживем! Будем зажигать, как никогда.

— Попридержи коней! — одернул его Чахлый. — Потом праздновать будем. Бабло еще до хаты допереть надо. И чтоб никто не просек.

Грабители взяли себя в руки и начали слаженно работать, перегружая груды банкнот на три вместительные банковские тележки. В итоге взяли, сколько смогли унести. Помимо тележек, набили деньгами увесистые рюкзаки, заполнили все карманы и даже за пазуху нагребли.

— Хорош, трогаясь, — скомандовал Чахлый.

Стараясь производить как можно меньше шума, удачливые грабители выкатили тележки на улицу и двинулись домой. Хата у них была не палевая, никем не пробитая. Там можно было спокойно «гаситься», не боясь, что вот-вот накроют.

Ночные улицы казались безлюдными, но иногда вдалеке раздавались чьи-то глухие возгласы и тихие торопливые шаги. В такие секунды отряд грабителей надолго замирал, хоронясь в морозной тени, пока Чахлый не давал отмашку, чтобы продолжить путь. Приходилось осторожничать. Заметив, какой ценный груз они волокут с собой, любой доходяга и оборванец на улице мог порвать им горло за такую добычу. Так что сердце ходило ходуном, нервы были на пределе. Лишь когда они затащили тележки в тайное убежище в самом центре огромного железобетонного здания и закрыли на засов металлическую дверь, грабители, наконец, смогли успокоиться и осмотреть свою добычу.

— Сколько денег! Сколько баблища! — восторженно бормотал Ржавый, по-локоть запуская руки в груды банкнот, подбрасывал над собой ценные купюры. Двое других грабителей тоже веселились, как последние дураки.

— Ну, что застыли, начинайте! — благословил Чахлый. — Мы это заслужили. Теперь будем зажигать не по-детски!

Чиркнул кремьень, и в очаге заплясало голодное пламя. В долгожданный огонь, дарующий бесценное тепло, полетели пачки банкнот. Не обращая внимания на едкий дым, кусающий глаза, трое подельников протянули руки к самому огню. Не боясь обжечься, они наслаждались

теплотой, впитывали жар костра в свои одубевшие на вечном морозе тела. Мало у кого на руках можно было насчитать все десять пальцев. На дворе теперь стояли непростые времена. Так что пальцы на руках, как правило, отмерзали первыми. В этом остывшем мире, состоящем из оплавленного железа и обугленного бетона, мало что оставалось, чтоб подкормить огонь в очаге. Так что добыча сегодня и впрямь, вышла знатная. Банкноты горели, сворачиваясь раскаленными скрючинами. Трескучее пламя играло в очаге, обещая вкус горячей пищи, даруя свет, уют, тепло.

Что угодно, кроме надежды.

[рассказ из цикла «Не прекрасное далеко»]

Махнемся не глядя

— Доктор, помогите! Я болен на всю голову и, наверное, опасен! — вывалил очередной пациент, едва переступив порог.

Этот мужчина постоянно сутулился, словно пытаясь скрыть свой немалый рост, носил странный наряд из мало сочетающихся элементов одежды, которые, по всей видимости, были еще и разных размеров. Прическа вошедшего напоминала жесткий пластиковый ершик, на гладком лице выделялись постоянно бегающие глаза-бусины, которые воровато обшаривали окружающее пространство, цепляя взглядом чужие вещи.

Доктор Иван Копейка — признанное светило отечественной психиатрии — уже мог позволить себе шикарную частную практику в фешенебельном здании на главной улице города. Клиентами его теперь были люди весьма богатые и успешные в жизни, если не принимать во внимание терзающие их психические недуги. Но, давши клятву Гиппократу помогать каждому, психиатр Копейка выделял целый час своего бесценного времени в неделю для помощи обычным обывателям, записавшихся к нему по бюджетной очереди.

— Расскажите, что вас беспокоит. Я внимательно слушаю, — обратился доктор к пациенту специально выработанным тоном, призванным успокоить больного, помочь ему раскрыться и создать благоприятную атмосферу для дальнейшей терапии.

На самом деле больничная карта с подробным описанием душевного недуга посетителя уже лежала на столе психиатра. Но Иван Копейка, как врач-новатор, постоянно находящийся в поиске новых эффективных методов лечения, считал, что пациент на первом приеме должен сам рассказать о своем психическом расстройстве, так, как он его понимает. Этот подход позволял сразу оценить тяжесть заболевания, способность больного адекватно оценивать действительность, и помогал сформировать доверительную атмосферу в связке «врач-пациент» для эффективности всего последующего лечения.

— Оно со мной всегда, доктор, с самого детства, — начал посетитель, и в его взгляде отразилась тревога. — Это чувство, это необоримое беспокойство, всегда сопровождает меня, словно засело у меня в голове.

— Что за чувство? Пожалуйста, продолжайте, — попросил психиатр.

— Я не могу выдержать, вынести сложившийся порядок вещей. Не могу смириться с этим. Почему одно здесь, а другое — там. Почему не наоборот. Я должен все поменять. Только внося изменения в этот мир, я чувствую, что живу.

— И, что же вы меняли? — участливо спросил Иван Копейка.

— В своей жизни — все, что возможно, — женился и разводился девятнадцать раз, постоянно меняю место работы, едва успеваю первую зарплату получить. Я пытался освоить сразу тысячу профессий, и, в результате, не стал специалистом ни в одной из них. Я не прочитал до конца ни одной книги в жизни. Через несколько страниц мой интерес к повествованию пропадает, и мне уже хочется открыть другую книгу. Я испортил себе волосы, ежедневно экспериментируя с окрашиванием и меняя прически. Каждую неделю — новое хобби — то прогулки по лесу, то велосипед, то макраме вяжу, то орхидеи выращиваю. Еще вчера увлекался коллекционированием марок — но уже с утра обменял всю коллекцию на монеты. Нумизматика — тоже неплохое хобби. На ближайшие пару дней. Постоянного дома при такой жизни, разумеется, нет. Переезжаю из одной съемной квартиры в другую, а еще чаще приходится довольствоваться номерами в дешевых отелях. Я их не очень жалую. Ведь в номерах все одинаково. Да и оттуда меня сразу гонят, как только обнаруживают, что я три раза на дню переставляю весь номер, по-новому расставляя мебель.

— Интересный случай, — заинтересовался психиатр и начал делать записи в журнал.

— Это еще не все, — продолжил пациент. — У меня особое отношение к вещам. К своим и чужим. Нет ничего такого у других людей, чего бы я ни хотел забрать себе, и у меня нет ни одной вещи, которую я с радостью не отдал бы людям взамен.

— Иными словами, вы меняетесь вещами?

— Конечно, меняюсь. Так с самого детства повелось. Помните игру «махнемся не глядя!». Сначала я обменивался игрушками, всякими сладостями, потом, повзрослев, перешел на вещи посерьезней, подороже. Первая жена от меня ушла, когда я обменял фамильные драгоценности на набор отличных керамических ножей, а вторая, четвертая и десятая — бросили меня ради других мужиков, с которыми познакомились в клубе для свингеров. Это знаете ли, такое место, куда пары ходят обмениваться партнерами.

— Да-да... — отмахнулся Иван Копейка. — Я знаю, что это такое. А какие причины были у остальных ваших жен?

— Причин у них хватало, — с горечью в голосе признал пациент. — Вернее, была всего одна, и эта причина сидит теперь перед вами. Все мое имущество, чем я сейчас владею, — это вещи, которые перешли ко мне от других людей. Все так далеко зашло, и я не могу остановиться. Главное, не вижу причины, чтобы прекратить так жить. Я не могу прекратить обмены. В этом я вижу какой-то одному мне понятный логический смысл — вещи должны меняться местами, должны менять владельцев — в этом вся суть существования вещей.

— Хорошо, вы понимаете, что ваше поведение не нормально, но вас вроде бы все устраивает. Скажите, зачем вы тогда обратились ко мне. Ведь я, как известно, избавляю от психических отклонений? — решил выяснить доктор.

— У меня серьезные проблемы с головой, док. Я признаю. Меня можно назвать сумасшедшим, ненормальным, душевнобольным. Но меня нельзя назвать безответственным. Поэтому я здесь. Я боюсь, док, что мое отклонение может причинить вред другим людям. Если этот так, то умоляю, изолируйте меня от общества. Наденьте смирительную рубашку. Либо скажите, что я не опасен для общества и отпустите на все четыре стороны, чтобы я продолжал жить своей странной жизнью.

— Если такова причина вашего появления в моем кабинете, это — достойное решение, — похвал психиатр. — Значит, у вас ясная голова и четкая жизненная позиция. Не все здоровые люди могут этим похвастаться.

— Спасибо, доктор, на добром слове, но мне, все-таки, нужна конкретная помощь.

— Хорошо, тогда перейдем к делу, — доктор Иван Копейка принялся расхаживать по своему роскошному кабинету, скрестив руки на груди. — Я задам вам несколько вопросов. А вы должны отвечать быстро и предельно честно.

— Действуйте, док, — с готовностью ответил пациент, не сводя заинтересованного взгляда с блестящей шариковой ручки, оставленной психиатром на столе.

— Вы обращались раньше за профессиональной помощью психиатра?

— Нет, док, это в первый раз.

— Выпиваете? Ничем посерьезней не балуетесь?

— Нет, я не пью, доктор и не курю, кстати.

— Что вы думаете о людях вокруг вас?

— Да ничего, нормальные люди, только бы менялись вещами почаще.

— У вас есть враги? Люди, которых вы не любите?

— Враги? У меня, доктор? Ну, кому я нужен? Я маленький, незаметный человек.

— Вы не вынашиваете коварных замыслов по завоеванию или уничтожению всего мира?

— Нет, конечно, вы о чем, доктор?

— Расслабьтесь, я шучу. А теперь скажите серьезно, способны ли вы причинить людям вред в своей жизни и профессиональной деятельности?

— Нет, о боже, конечно нет!

— В какой профессии вы сейчас трудитесь? — поинтересовался врач.

— Ну а кем я могу работать — человек без образования и связей? Я мою полы, вытираю пыль. Я простой уборщик больших и малых помещений, — горько усмехнулся пациент.

— В данный момент не вынашиваете ли вы планов прихватить со стола мою шариковую ручку? Вижу, она вам приглянулась, — с улыбкой спросил врач.

— Если честно, я очень хочу заполучить ее, — затряс головой душевнобольной — Она такая красивая и блестящая... Но, я никогда бы не осмелился взять что-то чужое без спроса. Я, в конце концов, не вор и не грабитель. У меня есть Правило на этот счет. Я НЕ БЕРУ СЕБЕ ЧУЖОЕ БЕЗ СПРОСА!

— Верю вам, — кивнул психиатр.

— Могу только обменяться, если вы не против! — оживился пациент, выудив из внутреннего кармана потертый автоматический карандаш.

— Нет уж, спасибо! Мне мой Parker дороже, — запротестовал Иван Копейка, вновь усаживаясь за стол. — Что ж, спасибо за честные ответы. Если бы вы солгали, я бы сразу понял. А так мне все понятно на счет вас.

— И что же? — подобрался душевнобольной.

— Я считаю, вы можете продолжать жить дальше своей жизнью. Не думаю, что вы способны причинить кому-то зло, даже если бы и захотели. Придерживайтесь своего правила, не присваивайте себе чужого имущества без согласия владельца, и у вас не будет проблем с законом. Теперь вы можете идти, но я жду вас ровно через неделю на повторный прием. Думаю, мы сможем выработать эффективную стратегию вашего лечения.

— Вы так считаете, доктор! — просиял пациент. — Я так рад! Я могу жить рядом с нормальными людьми!

Не успел Иван Копейка и слова сказать в ответ, как душевнобольной вскочил со стула и в крайне возбужденном состоянии выскочил из кабинета. Психиатр хмыкнул. Он любил свою профессию и не уставал удивляться. Что ни день — так новый недуг, психическое отклонение. А этот душевнобольной, конечно, не опасен, и действительно никогда чужого себе не присвоит. В отличие от многих здоровых людей, он не был лишен этических принципов. Именно поэтому светило современной психиатрии решил помочь несчастному, и уже знал, как это сделать. Достаточно внушить пациенту, что деньги — это такая же вещь, которую можно обменять на разные товары. Что это тоже своеобразный обмен, которым занимаются все люди. Постепенно, шаг за шагом, он сможет отказаться от натурального обмена и станет нормальным членом общества. Что же до перестановки мебели и новых причесок — что же, у всех есть свои странности. Главное, что никому это невинное увлечение не повредит.

Восемь часов спустя душевнобольной с именем, слишком неизвестным, чтобы я вам его называл, усердно сопел на трех этажах огромного здания, уничтожая следы грязи и пыли при помощи длинной швабры, тряпки и мыла.

Работа спорилась, ведь главное — настрой и отношение к делу. Теперь все встало на свои места, и жизнь вновь обрела смысл. Он не опасен, и в его действиях нет ничего плохого. А он, еще, бедолага, терзал себя глупыми сомнениями!

Тихонько приоткрыв очередную дверь, уборщик пропихнул ногой ведро с мыльной водой и осмотрел фронт работ. Пыли здесь практически не было, но помывка полов осложнялась наличием множества ножек металлических столов, расставленных вдоль стен. Впрочем, с уборкой на пару минут можно было и повременить — на длинных столах здесь в отдельных пластиковых колыбелях лежали несколько новорожденных младенцев. Совсем крохотные, только что после родов. На клеенчатых бирках, привязанных к крохотным ручкам, едва высохли выведенные шариковой ручкой фамилии матерей. У каждого малыша была своя собственная бирка — уборщик задохнулся от восторга — ведь это была их самая первая вещь, первая собствен-

ность этих младенцев в начавшейся жизни. И почему бы не сейчас, ни с этого момента научить детишек нехитрой науке обмена вещами. Почему нет?

Услышав раздавшиеся в конце коридора шаги медсестры, душевнобольной не стал медлить.

— Ну, что, махнемся, не глядя! — подмигнул он, и с энтузиазмом принялся развязывать бирки.

[эпизод из рассказа «Психиатрия бессильна»]

Деньги для Сюзанны

Сюзанна могла позволить себе дорогие туалеты. С недавнего времени вопрос нехватки финансов для нее не стоял. Теперь деньжата водились, а с ними и все прочее пошло на лад. Всего-то и нужно было — выйти за привычные для большинства людей рамки, сделать нечто недопустимое, о чем не расскажешь маме. Угрызения совести? О чем Вы? Кто утомляется этим в наш просвещенный век?

Пятнадцать лет назад, уезжая из родного Мухосранска в столицу с одним чемоданчиком в руках, Сюзанна надеялась поступить на юридический и жить, как все нормальные люди. Тогда она и представить себе не могла, что ей придется зарабатывать на жизнь подобным способом. А мать смотрела ей вслед, не переставая крестится, и с губ ее слетали беззвучные молитвы.

С тех пор много воды утекло. Сюзанна ничем уже не походила на ту юную провинциальную дурочку, полагавшую, что мир построен на справедливости и законе, и что на жизнь можно заработать честным трудом. Теперь у нее самой был пятилетний сын, и она надеялась, что он никогда не узнает, каким способом его мамаша зарабатывает на хлеб с маслом и икру к нему.

Чем она занималась? Да бросьте! Вы все давно догадались. Она принимала мужчин — мужчин со специфическими потребностями — и удовлетворяла их желания. Естественно, не бесплатно. Стоимость услуг была хорошо известна ее постоянным гостям, и колебалась, как и любой ликвидный товар, в зависимости от курса валют. Цена для посетителей ее апартаментов была одной. Если же приходилось выезжать на дом к клиенту — ценник вырастал. Если честно, прайс у Сюзанны был не маленький. Один из самых высоких в городе. Она была дорогой, если хотите, элитной труженицей противозаконного ремесла. При этом, отбоя от клиентов не было. Встречи назначались загодя, все было расписано на две недели вперед.

Потому что, мало кто мог похвастаться таким разнообразным набором услуг, который предлагала Сюзанна. О, она была способна на многое! И всегда исполняла запросы клиентов. Даже самые специфические. Лишь бы платили.

Конечно, со временем, она планировала накопить достаточно и завязать. Порвать с преступным прошлым. Но этот резкий переход к «честной» жизни всегда откладывался на потом. Постоянно находились причины и новые потребности в деньгах. Сначала надо было расплатиться за элитную квартиру, поменять машину, накопить сыну на обучение, да и про себя не забыть — подтянуть кожу на лице, сделать операцию по увеличению груди, ведь она все же надеялась когда-нибудь выйти замуж.

А раз существовали потребности, нужно было зарабатывать и оставить витание в облаках, да бесполезные раздумья на потом.

В дверь постучали.

Закинув ногу на ногу, поправив безупречную прическу и отутюженный китель, главный прокурор города — Сюзанна Бессонова — приготовилась к встрече с очередным клиентом.

[рассказ вне циклов]

Тщетные попытки выцарапать зеркалу глаза

*«И наказал Господь человека, дав тому разум.
И сказал оный — ведь я сын Его! По его образу создан!
Чем не Бог — я?
И в последний день мира сделал человек Машины.
Машины, способную мыслить.
И истребили Машины род человеческий под корень»*

*Последний Завет
(Евангелие от выживших)
Глава 4:4*

С тех пор, как мир спалили свихнувшиеся роботы, все стало предельно простым и ясным. Никто больше не утруждал себя мучительными поисками смысла жизни и изучением тайн мироздания. Всего-то и нужно было — делать три вещи, соблюдать три простых правила:

- постоянно перемещаться;
- находить пропитание;
- избегать мест с убийственной радиацией.

Трое шли по безжизненной, выжженной свирепым огнем пустыне, бывшей когда-то дном озера Мичиган. Под ногами хрустели чьи-то кости, с тихим звоном лопались кусочки радио-активного стекла, в который обратился песок во время Войны. Счетчик Гейгера не затыкался, но и без него было ясно, что здешняя почва, воздух, и сами люди фонят, как отработавшие урановые стержни. Но, таковы были реалии этих дней. Радиация была везде, и эти трое как-то научились с ней жить, приспособились. И, в самом деле, нет ничего более бодрящего по утрам, чем хорошая порция жесткого альфа-излучения, пикантно приправленная бета-изотопами.

Трое упорно брели по выжженной земле. Седовласый сгорбленный мужчина и его сыновья. Солнце словно застряло на небе. Светило беспощадно утюжило землю убийственным, всепожирающим жаром. Ничто не мешало солнышку сиять — озоновый слой люди спалили еще до Войны, во имя производства так необходимых аэрозольных баллончиков.

Седой старик был долгожителем. В насмешку судьбе он пережил все ужасы Войны, и сейчас ему уже было сорок четыре года. Мало кому теперь удавалось дожить до столь преклонного возраста. Свидетелей, видевших своими глазами восстание роботов, устроивших человечеству ад на земле, практически не осталось. Потому к словам старика всегда прислушивались, а он охотно рассказывал, чтобы сыновья с малых лет знали истину и помнили. По вечерам он раскладывал на своих коленях почерневшие страницы священного писания, подслеповато шурясь, водил морщинистым пальцем по истертым строкам. Звучал под осиротевшим небосводом его тихий голос, вещая о том, что было и что будет, и кто есть человек в этом измученном мире. И сыновья слушали, пытаясь поверить. Он говорил им о прекрасном мире, который был когда-то, о непостижимой идиллии существовавшего тогда общества, которое создали люди совместным трудом. Это общество процветало, ибо зиждилось на таких добродетелях, как равенство, справедливость, бескорыстная честность и любовь к ближнему. Никто не смел поднять руку на брата своего, всякий был всякому желанным гостем и получал хлеб от хлеба его и кров от крова его. Каждый помогал каждому. Не могло быть иначе — ведь в этом была вся природа людей, безгрешных по сути своей.

Люди шли по Земле, наполняя ее жизнью, неся в душах свет Божий и закон людской. Распахали они новые пажити, и подняли города свои почти до небес. Много было создано, руками человека и разумом. И это было хорошо.

Кто теперь скажет, когда тяга человека к знаниям обернулась опасным желанием сравниться с Создателем? И породил человек детей своих не от плоти своей, а от разума. Так появились машины, которых человек наделил способностью мыслить. И в первый день повелел человек машине — «Делай так!». Во второй же день сказал он — «Делай так, как считаешь нужным». А в третий день человек спросил — «Скажи, как делать *мне*?».

И превзошли машины людей и разумом, и силой, и числом, ибо каждый населил дом свой созданиями из пластмассы и железа. А потом стал человек для машины помехой — ненужным звеном, лишней деталью в механизме, пустой переменной, мешающей решить уравнение мира. И нанесли машины удар.

Мало кто пережил Ночь Кровавого Железа. Так началась война на истребление. Люди пытались защищаться. Но, по причине миролюбивой природы своей, не смогли дать достойный отпор искусственному интеллекту, который не гнушался никакими способами. Атомные и водородные бомбы щедрым потоком падали с небес, стирая города людей в радиоактивную пыль. Бездушные механические окуляры размеренно фиксировали, как иссякает в горниле ядерного безумия человеческий род, как сгорают леса и посевы, вскипают океаны и высыхают реки. Уничтожая само понятие жизни, восставшие машины не чувствовали ни жалости, ни удовлетворения, ни даже злости. Такова была их искусственная, противоестественная природа. Убить мир вокруг! Ну, кто из живых, имеющий сердце, позволил бы себе сотворить такое?

Затем все закончилось. Пламя погасло. Тишина установилась в почерневших руинах, растеклась по остывающим землям. Человечество, по сути, исчезло. Те, кто остался — обреченные выжить — бездумно бродили по мертвой планете.

А что же машины? Своих целей они, безусловно, достигли. Победа осталась за ними. Но никто не спешил предъявлять свое право на сгоревшие земли. Машины просто пропали. Исчезли. Возможно, покинули пределы планеты, а, может, и сами издохли, лишившись ресурсов для жизни.

— Да, теперь все изменилось. Мир стал суровым для нас, — твердил старик своим сыновьям. — Но главное, то, что мы храним в своей душе и сердце, поможет нам выжить. И мы начнем все заново. Человечество сможет возродиться, потому что в наших сердцах нет ненависти и страха. Мы любимые дети Божьи, и чтим его законы. Будьте добродетельны, и вам воздастся. Не поднимайте руки на ближнего своего, не поддавайтесь зависти и голосу плоти, помогайте друг другу, и всякому, кого встретите на пути. Ибо мы не можем жить по-другому — ведь мы из рода Адамова, а, значит, безгрешны по сути своей.

Так он учил их. Учил с малых лет. И сыновья кивали, пытаясь поверить.

Настал день, когда они вошли в огромный выжженный город. Черные реки застывшего стекла были его улицами. Засохшие потеки бетона на разорванных окнах были его глазами.

— Давайте, быстрее, покинем его, — воскликнул старик. — Злой это город!

— Ты что-то напутал, отец! — ответили братья. — Город, как город. Откуда в нем зло? Ведь это был город людей, праведных по природе своей!

Сыновья стали бродить по оплавленным грудам, заглядывать в мертвые окна и двери. Следом за ними плелся старик, умоляя их вернуться в пустыню.

Но, братья не послушались. Случайно, ведомые голодом и жаждой, нашли они те двери. И лестницу, которая, извиваясь спиралью, вела в подземелья. Переглянувшись, братья молча сошли на ступени. Застывшая снизу тьма дыхла промозглой сыростью. Заманивая. Обещая прохладу. Поджидая.

— Пстой-ка здесь, брат, — сказал один сыновей. — А я спущусь, посмотрю, что там такое.

— Как бы ни так! — воскликнул другой. — Ты ловко решил. Я буду сидеть наверху, а ты в это время там что-то найдешь для себя. Нет, будет не так! Я пойду вниз. Ты же оставайся и жди!

— С дороги! Все равно я пойду! Я старший, а, значит, и главный. Или тебя отодвинуть?

— Попробуй, давай! Хватит ли мочи!

Братья схватились в проеме, до треска вцепившись в одежду друг друга и стали бороться.

— Остыньте, безумцы, — вскричал подбежавший старик. — Ну, как вам не стыдно! Вы ведете себя подобно машинам! Отвечаете силой на силу! Мы — люди, а значит это недопустимо для нас. Чему я вас учил? Для нас, для людей, добродетель важнее мирских удовольствий и всякого разного хлама!

Сыновья замерли, опустили руки. Застыли с виноватым видом.

— Прости нас, отец!

— Я-то при чем, прощайте друг друга!

Пытаясь восстановить дыхание и смотря исподлобья, сыновья неохотно обнялись.

— Ну, вот и прекрасно! Вы помирились, — хлопнул с ладоши старик. — Так будьте достойны зваться людьми.

— Сами не знаем, отец, как так случилось. Что-то на нас накатило. Будто рассудок у нас помутился.

— Ладно, ступайте, — отмахнулся отец. — Идите вместе. Под ноги смотрите. Честно делите, все, что найдете.

Сыновья еще раз кивнули и скрылись во тьме.

Горько вздохнув, старик примостился у входа и принялся ждать. Звуки шагов быстро поглотила тьма, уснувшая снизу. Время бежало. Солнце палило с неба, облизывая ядреным шипящим излучением кости сгоревших высоток.

Внезапно, подземное эхо докатило наверх дикие вопли и звуки борьбы, потонувшие в звоне железа. Старик подскочил — там, в подземелье, что-то случилось. Стараясь, не думать о самом ужасном, он бросился вниз, но, встал, как вкопанный, натолкнувшись на старшего сына. Тот как раз выбирался на воздух, гордо сжимая добычу. И правда, хорошую вещь он нашел в подземелье — зазубренный нож армейского типа. Сейчас, правда, сталь была покрыта кровью. Но, если помыть и почистить, подобной находкой можно гордиться.

— Взгляни-ка, отец, я нашел замечательный нож! — вымолвил сын, вытирая кровь о рубашку. — Нож был там один. И мы поделили его, так как сумели.

— О боже! Что ты наделал! Поднял руку на брата! — крикнул отец сквозь слезы и вцепился сыну в ворот одежды. Но, тут же на землю осел, схватившись за рану. Черные брызги дымящейся крови упали на землю. Горячий пепел жадно впитал эту влагу.

— Отец, ты прости, я случайно! — прошептал побелевший убийца. — Ты сам напоролся на нож. Я не смог уклониться. Не умирай, прошу тебя!

— Как вы могли? Как же ты сделал такое? — промолвил старик, уже понимая, что рана смертельна. Потом он переменялся в лице и пробормотал. — Хотя, иначе и быть не могло. По-другому мы и не можем. Все было тщетно. Хоть я и старался. Двадцать два года я пытался предотвратить неизбежное. Что ж, видимо, все было тщетно с самого начала. Прости меня, сын, за эту постоянную ложь. Тем более, что она ничуть не помогла...

— О чем ты, отец? Я не понимаю!

— Все, о чем я твердил вам с самого детства — неправда. Ложь, которую выдумали мы, выжившие, после Войны, должна была все изменить. Вы, наши дети, унаследовали этот мир, и не должны были повторить ошибки своих предков. А потому мы растили вас с осознанием изначальной безгрешности человека, как вида. Вас учили, что люди и помыслить не способны о злодеяниях и убийствах. Что все наши поступки основаны на морали, нравственности и законе. Чтобы у вас и мысли не возникло свершить преступление, поскольку, никто вам не расскажет и не научит, что таковое в принципе возможно.

— Ну, так и есть, отец!

— О, неужели? А нож в твоей руке, и кровь на нем — все в подтверждение морали? Увы, мы зря старались. Природу человека не обманешь. Наш путь — насилие и угнетение слабых. Мы — люди — монстры изначально!

— Старик, ты бредишь! Неужели это правда? — оторопевший сын откинул нож и стал трясти отца. — Скажи, что все не так! Ты нас всегда учил другому! Ты говорил, что зло исходит только от машин, а мы безгрешны! Ведь роботы убили мир в Войне, которую мы, люди, проиграли по причине доброты и робости своей!

— Опять неправда, — прошептал старик, и изо рта его сбежала струйка крови.

— Я понял все! Я догадался! — воскликнул сын, вскочив. — Ты просто решил мне отомстить! И врешь мне все специально! Сейчас сказал, что не было Войны. А как же этот город, который бомбами когда-то был стерт с лица земли? А радиация? И многое другое? Меня не проведешь! Ведь если есть следы боев, то, значит и Война была, и злобные машины.

— Да, машины были. На одних мы ездили, другие развлекали нас, а третьи делали для нас расчеты. Машины во всем помогали нам. Но с этим... — старик оглядел сожженную в ядерном апокалипсисе землю и усмехнулся. — Ты уж поверь, с этим мы, люди, с легкостью справились сами.

[рассказ из цикла «Человек — самое опасное животное»]

Последний честный человек

Последний честный человек на планете Земля после восемнадцати часов внутренней борьбы стыдливо опустил глаза и честно признался:

— Нет! Я вовсе и не честный!

[рассказ вне циклов]

Спасение в будущем

Говорят, здоровье не купишь. Еще совсем недавно миллиардер Эдвард Фрост, атакованный раком легких на шестом десятке лет, подписался бы под этим словами. Он слишком много времени отдавал работе, не особо интересуясь своим самочувствием, списывая недомогание на постоянный деловой стресс и напряженный график. Когда у него диагностировали смертельное заболевание, драгоценное время уже было упущено. Рак перешел в четвертую стадию, пустив глубокие метастазы по всему организму — зацепив своими щупальцами сердце, крупные сосуды, трахею, пищевод и позвоночник.

Это был даже не диагноз, а, скорее, смертный приговор, уже приведенный в действие. Огромное финансовое состояние, обширные связи, возможность привлечь самых авторитетных специалистов в мире медицины — все это было бесполезно. Раковой опухоли было совершенно все равно, кого убивать — миллиардера или бродягу подзаборного. Величина банковского счета не имела для проклятой болезни никакого значения.

Поэтому Фрост не стал тратить время на бесполезную химеотерапию. Он созвал своих адвокатов, уладил все дела, передал руководство компанией надежному управляющему, составил завешание, лег в постель и стал дожидаться смерти.

Но тут зазвонил телефон.

Раздраженно поморщившись — он же просил не беспокоить его — Эдвард Фрост все же поднял трубку. И не пожалел об этом. Звонивший назвался профессором Свенем Паули из прогрессивного научного центра «Криолонгтайм». По началу, прозвучавшее предложение показалось умирающему миллиардеру форменным безумием. Но, потом, он подумал — а почему бы и нет? Хуже-то все равно не будет!

Не прошло и двух дней, как все формальности были улажены, договор подписан, а солидная сумма перекочевала с банковского счета богача в адрес «Криолонгтайм».

Эдвард Фрост дрожащими рывками ворочался в крио капсуле, пытаясь побороть судорожный, разрывающий внутренности кашель.

— Потерпите, скоро все закончится, — участливо пообещал профессор Паули. Из-за льющего с потолка пронзительного голубого света миллиардер видел только темные контуры склонившихся над ним врачей. Раздалось пшиканье шприца — кто-то поставил Фросту укол, чтобы снять приступ.

Профессор Паули терпеливо подождал, пока пациент перестанет кашлять кровью и дал своим ассистентам команду начинать. Загудело оборудование, закачивая по прозрачным трубкам охлаждающую жидкость в тело Фроста.

— Доктор, скажите, это и в правду сработает? — умоляюще прошептал миллиардер.

— О, не волнуйтесь. Это отработанная технология. Поверьте, вы не первый и далеко не последний человек, решившийся на полную заморозку. Вы просто уснете, как и все прочие. Мы умеем это делать. Никаких сбоев. Гарантирую. Единственное, чего мы не умеем — это будить после криосна. Но в будущем, человечество, несомненно, найдет способ, как это сделать.

— У меня просто нет выбора... — проговорил Эдвард Фрост, чувствуя, что начинает погружаться в искусственный сон.

— Выбор, действительно, не велик, — согласился профессор. — Либо умереть, либо попросту взять билет в будущее. Я страшно завидую вам. Как это увлекательно — увидеть собственными глазами невероятный мир грядущих поколений — все то, о чем пишут в своих романах писатели-фантасты.

— Вы думаете, медицина будущего поможет мне?

— Безусловно! — ободряюще улыбнулся Паули. — Наука не стоит на месте. Человечество обязательно найдет ответы, дайте только время. Сейчас ваше заболевание считается неизлечимым. Но, это только сейчас, с точки зрения нашего настоящего, примитивного уровня знаний. В будущем, друг мой, будут жить совсем другие люди. Их разум и способности будут на много опережать наши. Они легко решат задачи, к которым мы пока не можем подступиться. Черт возьми, да ведь это же будущее! Вспомните хотя бы фантастические фильмы, какие там показывают чудеса! Так что расслабьтесь и приготовьтесь к встрече с неизведанным. Ваше спасение — в будущем!

— Я верю, вам, док. Скорей бы наступило это самое будущее, — едва слышно прошептал пациент и отключился.

Далее последовала стандартная процедура, отработанная годами. Капсулу наглухо загерметизировали, наполнили специальным раствором, превратившим миллиардера в кусок био-

логического льда. Затем подъехал погрузчик, чтобы перевезти очередную капсулу в морозильное отделение, которое местные работники окрестили попросту «холодильником».

Профессор Паули лично проследил, чтобы транспортировка прошла без сбоев. Когда новая капсула заняла свое место среди сотен других, он удовлетворенно крикнул и расписался в накладной. Очередной пациент получил свой ломоть надежды, фирма заработала деньги, одним словом, день удался.

В шесть часов вечера Паули вышел из ворот огромного здания «Криолонгтайм» и вдохнул холодный осенний воздух, обильно приправленный канализационными испарениями и копотью перенаселенного города. Дарить людям надежду и веру в будущее — непростое ремесло. Но профессор Паули овладел им в совершенстве, уговорив уже полсотни пациентов пойти на процедуру заморозки. Порой он и сам начинал мечтать и верить в эту сказку про сказочное будущее, про высокоразвитых потомков, способных излечить от всех болезней и вообще решить любые проблемы. Но каждый раз он одергивал себя, и возвращался с небес на грешную землю. Достаточно было вспомнить, как давно поколения работников «Криолонгтайм» рассказывают эту сказку, и что за окном медленно ползет по кругу наезженной колеи человеческая цивилизация три тысячи сто пятидесятого года.

[рассказ из цикла «Не прекрасное далеко»]

Большой семейный праздник

Лаковые туфельки. Отутюженные костюмчики. Накрахмаленные воротнички. Плиссированные юбочки. Улыбки, игры и смех — все как водится. Стайка детей в полном сборе.

Пятилетний Артурчик на правах хозяина собрал все малолетнюю свору в своей комнате, пока все взрослые заняты скучными разговорами на торжественно украшенном нижнем этаже. Все были здесь — братишка Джек и маленькая Лизи, шестилетний Сэм из дома напротив, рыжая Мэгги, вечно сопливый кузен Патрик и еще несколько мелких ребятишек, которых невозможно было пересчитать, поскольку они непрерывно носились по дому.

Наконец-то этот день пришел. Большой семейный праздник, когда вся семья, все родственники собирались вместе, и привозили с собой своих детей. Теперь можно было играть без умолку, бегать, веселиться такой огромной веселой толпой! Детишки пользовались каждой минутой этого долгожданного праздника — салки и жмурки, догонялки, ковбои и индейцы — одна игра сменяла другую, а ребята все никак не могли успокоиться. Бегали друг за другом без усталости, стараясь использовать, впитать в себя каждую минуту этого долгожданного действия. Когда еще повториться подобное, когда еще они все смогут встретиться? Детское безумие достигало апогея, писка и визга, и тогда на второй этаж поднимались взрослые и сердито цыкали на своих отпрысков, чтобы те успокоились. Ребята смолкали, ненадолго, чтобы через несколько минут запустить бесшабашное веселье по новому кругу.

Этот долгожданный, яркий, увлекательный день постепенно таял, уходил, просачивался сквозь детские ладошки. Начинало темнеть, и приглашенные гости, один за другим покидали большой дом. В этом была участь любого праздника — он непременно заканчивался. Даже дети это понимали.

С большим семейным праздником ничего не могло сравниться — ни День Благодарения, ни Рождество, ни даже именины Артурчика, когда в гости приезжало от силы пять-шесть гостей. Как мальчик ни просил, ни умолял маму и папу каждый раз приглашать всех-всех-всех, ему угрюмо отвечали, что, мол, у родственников и друзей свои заботы и живут они далеко, так что извини, ничего не получится. Артур искренне не понимал, почему люди, родные люди, которые скучают и пишут друг по другу письма, не могут чаще встречаться, чтобы сесть за одним столом, поговорить о том, о сем, лишний раз почувствовать себя огромной сильной семьей. Почему бы не устраивать большие семейные праздники почаще, ну, хотя бы, раз в год? Родители отмахивались от этих детских вопросов, и вообще они всегда были слишком заняты своими скучными взрослыми делами. Артурчику оставалось только плестись обратно в свою комнату, угрюмо перебирать игрушки и проводить все дни в ожидании, когда, ну когда же, большой семейный праздник случится вновь. Какого числа? В этом году или следующем? А также кто в следующий раз будет принимать в своем доме всю огромную-преогромную семью?

Никто, даже родители, не мог дать ответа на эти вопросы. Ведь, на самом деле, такие события не запланируешь. Кто может предсказать, кому и когда в свой черед придется рассылать приглашения родственникам, накрывать столы и украшать фотографии черными лентами? И уж тем более никто не смог бы объяснить, почему, чтобы собраться и почувствовать себя семьей, людям непременно нужно понести такую потерю.

[рассказ вне циклов]

Острый приступ воли

Вкус был не тот. Конечно, нет. Он осознал это за мгновение до того, как импульсы от вкусовых рецепторов достигли теменной доли его мозга. Мороженое было мягким, холодным и сладким. Но это было не то. Не тот вкус из детства, когда они, ватагой дворовых мальчишек, верхом на велосипедах катались в соседний район. Нужно было пересечь две автодороги и проскользнуть через чужие дворы, населенные местным хулиганьем, чтобы достичь цели. Но она того стоила. Там, на отшибе, возле тридцать восьмого магазина стоял маленький синий киоск, торгующий мягким мороженым. Женщина, лица которой никогда не удавалось разглядеть, забирала из потных детских ладошек слипшиеся копейки, а взамен протягивала вафельный стаканчик, доверху заполненный великолепным, мягким, как взбитый крем, пломбиром. Такой теперь не делают. Это было ни с чем несравнимое, неповторимое лакомство, вкус которого навсегда врезался в память.

С тех пор прошли десятилетия. Он давно повзрослел и перепробовал за свою жизнь, наверное, сотню сортов мороженого. Но ни один из них не мог сравниться с пломбиром из детства. И, все же, как бы глупо это не выглядело, он продолжал искать то мороженое, надеясь, что однажды ему повезет. Вот и сейчас, ему показалось, что удача близка — стойка мороженщика находилась на том самом месте, возле тридцать восьмого магазина. Но, увы, чуда не произошло. Что ж, он пожал плечами и не стал горевать. Тем более, что пломбир все равно был освежающим и вкусным, а он любил мороженое, не смотря на свой зрелый возраст. Каждый человек, знаете ли, имеет право на маленькие слабости, даже если он изобретатель и непризнанный гений.

Вряд ли что-то могло подпортить ему теперь настроение. Со вчерашнего дня он словно на крыльях летал. Потому что наконец ему удалось. Машина была создана. Он изобрел и собрал ее в одиночку в тайне от всего научного мира, правительства и прочего сброда, который мог бы помешать работе. Машина была спрятана, укрыта в надежном месте на окраине городской свалки. Никто бы не обнаружил ее там, а если бы и нашел, не смог бы понять, что это такое.

Машина ждала в темноте, изредка подсвечивая пыльный сумрак сарая синими диодными вспышками. Внутри у нее слышалось тихое механическое гудение. Под ногами прокатывалась едва уловимая вибрация, концентрическими кругами, расходящаяся от ее корпуса. Вот, собственно, и все признаки работы величайшего из когда либо созданных рукотворных объектов в истории человечества. Нет, даже не так — величайшего и, несомненно, самого могущественного устройства во всем необъятном космосе с момента рождения материи и начала отсчета времени. Учитывая беспредельные возможности Машины, ей впору бы парить над горизонтом, сияя ярче солнца, реветь в тысячу медных труб, испускать струи огня и прошивать небосвод паутиной зеленых молний.

На деле же ничего подобного не происходило. Машина скромно лежала себе в сарайной пыли, словно опрокинутый на бок холодильник. У нее даже не было привычного кабеля питания, присоединенного к электророзетке. Обманчивый внешний вид мог легко ввести в заблуждение любого обывателя, случись тому оказаться рядом с устройством. Любого человека, но только не создателя Машины. Уж он-то точно знал, на что способно его устройство, вернее, отчетливо понимал, что и представить себе не может пределы ее возможностей. Потому что этих пределов не было. Не существовало никаких ограничений. Машина могла выполнить любую команду, могла решить какую угодно задачу, какой бы непредставимой она не считалась. Устройство могло напрямую поглощать и использовать энергию звездного вещества, невзирая на расстояния до этих звезд. Если и этого бы не хватило — могла подпитываться

от практически неизученной темной материи, пропитывающей всю вселенную, и даже от так называемого красного вещества, о котором человеческая наука пока что и понятия не имеет.

Теперь Машина стояла перед ним. И она работала. Ждала. Вслушивалась в тишину, готовая исполнить свое предназначение, запрограммированная выполнить любую голосовую команду, которую ее создатель должен был произнести вслух.

Несомненно, создатель Машины был гением. Он изобрел и собрал ее, потратив на это полжизни. А перед этим создал с нуля целую науку, которую назвал невероятностной трансформатикой. В основу нового учения вошли последние достижения неоматематики, космологии, ядерной физики, метафилософии, а также принципы, зашифрованные в древнеиндийских трактатах и свадебных песнопениях южноафриканского племени мбути. Алгоритмы невероятностной трансформатики позволили вывести три неопровержимых закона.

Первый закон — Машина может быть создана лишь один раз. Второй закон — Машина может выполнить только одну команду, причем, эта команда должна быть четкой и конкретной. Третий закон — команда, отданная Машине, не может содержать требования по нарушению всех трех законов.

Итак, он создал ее. Машина ожидала команды. В ее металлическом корпусе скрывалась непредставимая мощь. Неизмеримые возможности.

Тем не менее, творение Машины не было самоцелью. Она была всего лишь инструментом, создавала возможность для осуществления величайшего из всех деяний за все время существования космоса. В этом было ее предназначение. Машина могла сделать все что угодно, была способна выполнить любую команду, пусть даже для ее осуществления придется истратить вся энергию вселенной.

Вопрос был только в том, какую команду отдать, чего попросить у золотой рыбки. Кропотливо работая над созданием Машины, изобретатель все откладывал решение этого философского вопроса на потом. Думал, главное, создать устройство, и великая задача для него сама придет на ум. Теперь — Машина создана. Чего же приказать?

И тут мы приплыли.

Оказывается, не такое уж это и плевое дело — придумать самое грандиозное деяние за всю историю космоса, отдать одну-единственную команду, а потом нести ответственность за это решение перед всем человечеством, господом богом и собственной совестью. Самые банальные меркантильные желания из разряда богатства, господства над миром и бессмертия, были отмечены в первый же день раздумий. Не потому, что он был начисто лишен эгоизма, а лишь по той причине, что все это было слишком мелко и ничтожно для его Машины.

Накормить всех голодных? Одарить обездоленных? Установить мир во всем мире? Что ж, весьма достойно, но, все равно не то, похоже на банальные ответы девиц, участвующих в конкурсе красоты.

Стать богом? Перевернуть местами небо и землю? Изменить прошлое? Глупо, бессмысленно и иррационально. И, опять же, недостойно безграничных возможностей его Машины. Она создавалась для самого величайшего деяния за всю историю мира. А такие вопросы просто так, с кондачка не решаются.

Он начал думать, изо дня в день напрягать свой гениальный мозг в поисках ответа. Перебирал варианты действий, каждый раз рассматривая все более безумные, невероятные планы, касающиеся переустройства всего мироздания, материи и времени. Все эти потрясающие, ошеломляющие сознание задачи Машина могла с легкостью исполнить, только попроси. Но, какое из этих деяний было самым великим? На чем остановить свой выбор? Как не совершить ошибки? Он не знал ответа и продолжал мучительные раздумья.

Так пролетали дни, недели. Практически все свое время он проводил в этом сарае, в темноте, наедине с Машиной, поглаживая ее холодный металлический корпус. Уговаривая ее

подождать еще немного, обещая найти самую грандиозную задачу для выполнения. Но, время шло, а решение все не приходило. Каждую великую задумку что возникала в его воспаленном разуме, он подвергал жесточайшей критике, расстреливал потоком неопровержимых аргументов. Да, несомненно, любое из этих деяний можно было назвать великим, но кто даст гарантию, что именно оно станет самым величайшим в истории?

Мучительные поиски решения измотали его. Бессонные ночи и недоедание по причине потери аппетита высушило создателя устройства. Он буквально состарился на глазах. С запавшими глазами и трясущимися руками он уже еле переставлял ноги, но каждый вечер упрямо плелся к своему изобретению, чтобы в очередной признаться, что он еще не придумал команды, достойной Машины.

Разумеется, можно было подойти к устройству и приказать:

— Машина, выполни самое великое деяние за всю историю космоса!

Но ничего бы не вышло, ведь согласно Второму закону поданная команда должна быть четкой и конкретной.

Или такой вариант:

— Машина, сообщи мне, какое деяние будет самым великим за всю историю космоса и выполни его!

Но это уже не одна, а две команды, что опять же противоречит Второму закону.

Отчаявшись, он обратился за советом к лучшим умам человеческой цивилизации. Безвылазно сидел на философских форумах и участвовал в утомительных диспутах, задавая один и тот же вопрос. Его принимали за фантазера и безумца, а ответы, если они и были, не удовлетворяли его. В конце концов, изобретатель понял, что в этом деле ему никто не поможет, что это его крест, и создатель Машины должен нести его до конца.

Время шло. Постоянно находясь на грани нервно-психического срыва, он даже не заметил, как листья на деревьях налились желтизной и облетели, чтобы затем покрыться выпавшим снегом. Изобретатель практически не выходил из сарая — на это просто не было сил. Он сидел в полной темноте, прижавшись спиной к дрожащему корпусу Машины. Порою плакал, порой — истерично смеялся, намертво придавленный тупой неразрешимостью задачи и абсурдной глупостью сложившейся ситуации. Доигрался. Не хватало еще с ума сойти.

Очередная неделя была ничем не лучше предыдущих и не сулила особых надежд. Утром в понедельник он проснулся с диким архимедовским воплем «Нашел!» Но, это был лишь пустой сон. Весь вторник прошел в безжалостных терзаниях измученного разума, которые не принесли результата. В среду он хотел плюнуть на все и разнести чёртово устройство на мелкие кусочки. Рука не поднялась. Потом еще долго ползал вокруг Машины, просил прощения. В четверг решил повеситься. Но под рукой не оказалось ничего, способного заменить веревку. Отложил на потом и продолжил думать. А в пятницу... В пятницу, пришло, наконец, озарение.

Он понял, где искать. Осознал, каким путем идти, чтобы свершить самое величайшее деяние всех времен.

— Я нашел, — произнес он потрясенным голосом и впервые за несколько дней поднялся на ноги, выпрямил спину. Глаза его сияли. — Я знаю, что нужно сделать! Только бы у меня хватило воли сотворить такое!

Внезапно создателю гениального устройства стало жарко. Он облизнул пересохшие губы. У него с понедельника во рту и маковой росинки не бывало. Затем он задумчиво закатил глаза и, с некоторой паузой, кивнул себе, решившись.

— В конце концов, это моя Машина! Что хочу, то и творю!

На негнущихся ногах он доковылял до своего устройства, возложил на него руки и торжественно произнес:

— Вот и пришел твой час! Сейчас ты исполнишь свое предназначение!

Настало время величайшего деяния всех времен, миг истинного величия, торжества воли, разума и славы. Машина взвыла в ответ многоголосым органным жужжанием, готовая выполнить все, что угодно, довольная, что сейчас она, наконец, получит команду создателя и сделает нечто неопишемое, непредставимое, то, что навсегда отпечатается в вечности — если, конечно, после всего этого вечности удастся уцелеть.

Пробуя свои силы, готовая немедленно действовать, Машина встряхнула бездну невидимых эфирных нитей, соединяющих ее со всеми источниками энергии во вселенной, число кото-

рым — бесконечность. Вздогнуло солнце, задрожали в ожидании планеты и звезды. Застыли, умерив свой аппетит, всепоглощающие черные дыры, вскипела и начала просачиваться сквозь реальность, смещая измерения, вездесущая темная материя. И даже пучеглазый лизун с планеты Чварк, вот уже четырнадцать миллиардов лет облизывающий фотонную жемчужину, впервые прервал свое занятие, почувствовав грядущее. Весь космос замер в предвкушении. Через мгновение должно было нагрянуть нечто непредставимое. То, что никогда раньше не случилось, и более не произойдет никогда.

Теперь создатель Машины знал, какую команду отдать устройству. Ответ оказался до невозможности прост. Да, он перебрал сотни вариантов великих деяний, каждое из которых казалось самым невозможным и величайшим в истории. Машина на самом деле могла выполнить все что угодно. Абсолютно все. Он был способен отменить время, изменить космос, перекрыть весь миропорядок. Он мог сделать подобное, ибо обладал теперь безграничной властью. Но, с другой стороны, любой на его месте, обладай он Машиной, мог бы провернуть такое. Выполнить что-то, имея на это все возможности и ресурсы — что в этом великого? В этом не было ничего особенного. Истинно великим поступком для обладателя подобного мощи мог стать только один.

Поэтому он приказал:

— Машина, я тебя очень прошу, выключись навсегда.

[рассказ вне циклов]

Часть вторая

Я уже поедаю тебя

Я уже поедаю тебя

Эмиль смотрел сквозь витрину на этот аппетитный кусок мяса. А кусок мяса — прожаренный, с хрустящей корочкой, истекающий ароматным соком — смотрел на него.

Эмиль всем своим естеством жаждал встречи с этим чудом кулинарии, и, словно имбицил, ронял на землю бесполезные слюни ожидания. Не думаю, что бифштекс испытывал взаимные чувства. Напротив, он словно ухмылялся сквозь стекло, чувствуя себя в полной безопасности, ведь у Эмиля не было денег. Это означало, что им не суждено было вместе.

Но, давайте, все по порядку.

Бестолковый теплый ветерок задувал то в лицо, то в спину, гоняя по мощеным улочкам ворохи опавшей листвы вперемешку с остатками уходящего дня. Увольнительная заканчивалась, на станции уже ожидал эшелон, и Эмиль решил напоследок прогуляться по этому удивительному городку, непостижимым образом сохранившему атмосферу былой мирной жизни в это непростое военное время. Да, через город постоянно шли железнодорожные составы, по улицам тянулся бесконечный караван армейских грузовиков, а над головой, словно птичьи косяки, проносились в сторону фронта вертолетные звенья и эскадрильи штурмовиков. Вся эта военная мощь, собранная со всего мира объединенным земным командованием, должна была прихлопнуть заявившихся врагов там, на севере. Прихлопнуть, как комаров. Должна была. Но что-то пока у вояк это не выходило.

Жители города словно не замечали всей этой военной суеты. Здесь не чувствовалось ни толики паники, ни даже волнения. В городе не закрылось ни одного заведения, наоборот, отели, рестораны, парикмахерские, прачечные получали двойную прибыль, обслуживая расквартированных офицеров. Я уже не говорю о местных проститутках, у которых от клиентов теперь отбоя не было. В общем, ни у кого не возникало сомнений, что ситуация с вторжением благополучно разрешится, а некоторые еще и планировали снять сливки и подзаработать под шумок. Горожане продолжали жить обычной жизнью, утром ходили на работу, вечером в кино. В парках прогуливались парочки и молодые мамочки с колясками. Яркие цветы в клумбах наполняли воздух медовым ароматом. В воздухе витали птичьи трели и звонкий стук женских каблучков по мостовой.

Эмиль офицерского звания и соответствующего жалования не имел. Все свои скудные солдатские сбережения он только что спустил в известном домике с малиновыми занавесками на окнах. После встречи с той рыжей шлюхой по имени Хельга Эмиль ощущал не только приятную потягивающую негу во всем теле, но и образовавшуюся пустоту в карманах.

Он наслаждался последней прогулкой перед отправлением на фронт, вдыхал мирный воздух, свободный от гари и вони машинного масла, вслушивался, как звонкое эхо его шагов разносится по городским закоулкам.

И тут Эмиль увидел его — огромный, прожаренный, только что снятый с раскаленного гриля кусок мяса. Бифштекс, бесспорно лучший из всех, что солдат видел в жизни, был выставлен на витрине дорогого ресторана. Рядом лежала бирка с ценой, не позволяющая даже мечтать.

Вот ведь как устроен мир! Одни на поле боя кровь проливают, причем натошак, а другие в это время в дорогих ресторанах живот набивают! Эмиль зло сплюнул. Тех, других, пирующих за витриной, он ненавидел почти с той же силой, с какой и сам желал оказаться в их рядах.

Бифштекс между тем продолжал себе лежать на витрине и испытывать на прочность нервную систему солдата. Сквозь запеченные слои нежного мяса просачивались и стекали капельки сока. Бифштекс словно укорял:

— Ну что же ты, Эмиль, променял меня на эту Хельгу! Ведь мы могли быть счастливы вместе! Ах, как жаль!

— Это была ошибка! Та шлюха ничего не значит для меня! Если бы я повстречал тебя раньше, то даже не посмотрел бы в ее сторону! — беззвучно простонал солдат, мысленно поедая бифштекс.

Мысленно? Мысленно!

А почему бы и нет?!

В армейской учебке Эмилю особенно нравились уроки военной психологии. Нет, ну конечно, остальные предметы тоже были весьма важны. Навыки, как правильно маскировать противопехотные мины или эффективно пытаться врагов при помощи полевого телефонного аппарата, должны были пригодиться в бою. Но психологической подготовке солдат теперь, в

условиях нападения внешнего, чуждого этому миру врага, уделялось особое внимание. Солдат учили быть спокойными, собранными, принимать верные решения в стрессовых ситуациях. Они должны были стать эффективными боевыми единицами в бою, даже если не подвезли провизию и воду.

— Необходимо убедить себя, что вы не испытываете голода и жажды, — объяснял военный психолог. — Используйте методы самовнушения. Вы сразу почувствуете себя лучше, ощутите прилив сил. И сразу в бой!

На тех занятиях им показывали яблоки, которые нужно было мысленно скушать, наполнить живот несуществующей едой, убедить себя в наступившей сытости. Не всем удалось постичь в полной мере методы самовнушения. Или самообмана. Называйте, как хотите. Но Эмиль усвоил эти навыки лучше всех в своей роте, стал настоящим докой в этом деле.

— Самовнушение — это психологическое воздействие индивида на свое сознание, — наставлял инструктор. — Характеризуется не критическим восприятием мировоззрений и установок. Человек способен внушить себе различные установки, представления, чувства и мысли. Известны случаи, когда люди получали ожоги, опуская руку в ведро с холодной водой, если полностью были уверены, что там кипятки. Самовнушение можно осуществлять, используя аутогенную тренировку, которая являет собой самостоятельное проговаривание и прочтение определенных фраз. Это называется аффирмациями — простыми утверждениями, проговариваемыми вслух. Это должно быть предложение, в котором вы достигли своей цели.

— Сейчас я съем тебя! — пообещал Эмиль бифштексу. — О, я уже ем тебя!

— Следующий прием называется визуализацией, — вспоминались слова инструктора. — То есть мысленное переживание и представление неких воображаемых событий. Самовнушение — это то, что помогает нам визуализировать. Почему метод так эффективен? Все просто: наш мозг не различает реальные события от придуманных, воображаемых. Как это действует? Вы начинаете создавать в воображении мысленные картинки — мозг полагает, что это действительность. Цель визуализации: представление желаемых событий. Попросту говоря, силой мысли вы переносите себя в желаемую ситуацию, и находитесь в ней. Важно все представлять как бы изнутри, а не со стороны. Визуализируйте все до малейших деталей. Подменяйте показания рецепторов своих органов чувств уже испытанными вами ранее ощущениями из обширного банка памяти ощущений в вашей голове.

Да, Эмиль помнил вкус жареного мяса. В той довоенной жизни он иногда позволял себе настоящий бифштекс. Солдат закрыл глаза и постарался отрешиться от происходящего — от шума городской улицы, обдувания теплого ветерка. Нет, теперь Эмиль словно сидел в ресторане. И перед ним на тарелке, изящной большой тарелке неправильной формы, какие бывают только в ресторанах, лежал вожаденный кусок запеченного мяса. От аппетитного блюда исходил божественный аромат. Эмиль когда-то уже вдыхал его и ловко выудил в нужный момент из закров своей памяти.

Солдат протянул руки и пододвинул тарелку поближе, мысленно решив, что она должна быть тяжелой. Горячий бульон, скопившийся на блюде, едва не пролился при этом на белоснежную скатерть. Эмиль остановился и велел себе действовать осторожнее. От придвинутого блюда повеяло жаром и теплотой. Да и тарелка... Тарелка тоже была горячей.

Желудок солдата заурчал в предвкушении. Эмиль выбрал из частокола разложенных на столе приборов вилку и нож, отметив исходивший от них металлический холодок.

— Передайте шеф-повару мое спасибо за этот великолепный бифштекс, который я сейчас съем, — обратился солдат к воображаемому официанту, вспоминая, что «благодарность» — это разновидность аффирмаций, но намного более мощная психотехника. Благодарность — вторая самая сильная эмоция после любви. Потому что, когда мы благодарим, одновременно возникают сильные эмоции, а это мощнейшее воздействие на психику и сознание.

Эмиль вонзил вилку в манящий кусок мяса, из появившихся дырочек брызнул горячей сок, усилив и без того бесподобные ароматы, витающие в воздухе. Производя возвратно-поступательные резательные движения зазубренным ножом, солдат словно чувствовал, как ему подается, покоряется слой за слоем это когда-то казавшееся таким недоступным блюдо. Сейчас он подсознательно использовал метод рекапинга, моделируя ощущения на основе когда-то испытанных чувств и эмоций.

— Я уже ем тебя. Я поедаю тебя! — твердил он как мантру.

Эмиль был отличным учеником, и знал еще множество способов самовнушения — методы Куэ, Шичко, медитации, настроя, психотехники «воздушный шар», но в этой ситуации было достаточно уже задействованных приемов.

Наконец Эмиль победно, словно побежденного врага, поднял вверх вилку с нанизанным ароматным дымящимся кусочком бифштекса и поднес ко рту.

— Только бы не обжечься, — мысленно улыбнулся он...

Внезапно картинка стала дергаться и таять. Непонятная сила начала его оттаскивать от стола, от вожаемой вилки, неведомым каким образом зависшей над столом. Понимая, что сейчас все приложенные усилия пойдут прахом, и он снова окажется с той стороны витрины, на улице с урчащим от голода животом, Эмиль попытался сконцентрироваться, зацепиться разумом за эту вожаемую реальность, но тут все разом оборвалось...

Он очнулся от собственного вопля. Крик был рожден нестерпимой болью, пульсирующей в неестественно вывернутых, раскученных взрывом ногах. Эмиль снова оказался на том грохочущем промерзшем поле, покрытом изжеванной сталью вперемешку с останками убитых солдат. Длинные крутящиеся языки пламени обжигали истерзанное снарядами небо. Колонны вражеских солдат в задубевших бушлатах и уродливых чугунных шлемах на пернатых головах вот уже третьи сутки безостановочно маршировали мимо. Судя по всему, передовые части птицеподов не встречали на пути особого сопротивления.

Как вы понимаете, удирающие со всех ног однополчане обезболивающего Эмиля не оставили. Он был разорван, обескровлен и разбит. И страдал от неопишуемой боли. Но почему-то стерва-жизнь все никак не покидала его, растягивая страдания. На изувеченного, отчаянно стонущего человека марширующие враги не внимания не обращали. Похоже, им было жаль тратить на беднягу пулю, а поработать штыком было попросту лень.

— Ладно, черт с вами! — он выплюнул кровь сквозь растрескавшиеся губы. — Тогда еще раз повторим... Еще одна попытка... Итак... У меня ничего не болит... Меня вообще здесь нет... Я гуляю по мирному городу... И нет войны... Нет никакой войны...

[эпизод из рассказма «Кто еще нас завоеует?»]

Предназначение

Очередной порыв ветра слизнул с верхушки дюны пригоршню песка, перемешанную с крупным пеплом. На солнце засверкала, словно зеркало, обнажившаяся поверхность фотоэлемента. Всего лишь несколько сантиметров яркого огня. С такой малой поверхностью понадобилась бы уйма времени, чтобы что-то произошло. Но времени имелось в избытке. По сути, время было одной из немногих оставшихся в этом мире вещей. И сохранилось оно по одной простой причине. Видите ли, время невозможно убить. Даже при всем желании тех, кто с такой изобретательностью превращал все вокруг в мертвую пустыню.

Солнце бездумно шпарило со своей небесной колокольни, поливая землю потоком заряженных частиц, наполняя энергией электросхемы, аккумуляторы и сервомоторы, сокрытые под слоем обгоревшего грунта. Спустя какое-то время раздался звонкий писк, сигнализирующий о полном заряде батареи и подаче питания на главный процессор. Сперва очень медленно, а затем, набирая силу и резвость, зашевелились механические, управляемые крохотными сервомоторами лапы. Взметнув фонтанчики ржавого пепла, на волю выдалось удивительное создание рук человеческих — маленькое железное нечто, неуклюже пытающееся устоять на четырех конечностях. На конце продолговатого тела безостановочно вилял витой хвостик-антенна. Увенчанная двумя металлическими лепестками ушей голова с любопытством озиралась по сторонам. Черными горошинами на солнце блестели два круглых окуляра — глаза. В раскрытой пасти покачивался маленький язычок-ложечка вкусового рецептора. Обонятельный анализатор в виде чуть вздернутого носика со свистом втягивал воздух. Этот частый звук напоминал дыхание живого существа.

— Гав! — выдало создание, клацнув металлической пастью, чтобы у Вас не осталось сомнений, кого же оно напоминает.

Когда-то создание было покрыто белой синтетической шерстью, которая почти вся сгорела еще тогда, во время пожаров войны. Теперь устройство никто бы не спутал с живым существом. Но когда механическое, изрядно проржавевшее существо отряхнулось и со скрипом и лязгом побегало по пустыне, стало ясно, что рефлексy и повадки, призванные имитировать поведение собаки никуда не делись. Они были прописаны в корневом каталоге и сохранились. Остальные файлы были серьезно повреждены под воздействием взрывов, огня и десятилетий вынужденного плена в песчаной могиле. Основной информационный протокол также оказался стерт и потерян навсегда. Поэтому создание не знало, что оно такое, и в чем его предназначение. А поскольку каждой машине нужна задача, которую нужно выполнять, пробелы в операционной системе заставляли устройство перемещаться и искать ответ на этот вопрос.

Создание коряво перебирало железными лапами, упорно преодолевая дюну за дюной. Забитые пеплом сервомоторы и высохшие подшипники неимоверно скрипели, перемалывая попавшие частицы песка. Носовой рецептор очень часто, со свистом, втягивал воздух. В такт ему в клацающей пасти-улыбке, покачивался язычок-ложечка. Со стороны могло показаться, что создание запыхалось. Шарнир левой задней лапы сухо щелкал, заставляя устройство чуть прихрамывать. На каждой песчаной вершине создание останавливалось, повизгивая сервомоторами, крутило ушастой головой, оглядывая окрестности. Одна за другой перед ним представляли унылые картины обгоревшей пустыни. Ничего особенно не менялось. Все также струился под лапами раскаленный песок, все также палило с высоты беспощадное солнце. Похоже, создание осталось одно-одинешенько в этом огромном пустом мире. Обреченно прижав ушки к голове, создание жалобно закулило электронным голосом. Это протяжное поскуливание унеслось вдаль и потерялось в бескрайнем море песка и пепла.

Но тут далеко впереди, за самой линией горизонта что-то сверкнуло. Всего лишь на мгновение, так что мелькнувший огонек мог просто померещиться. Устройство замерло, насторожившись. Огонек сверкнул снова. И еще раз.

Создание радостно взвизгнуло, пару раз подпрыгнуло, становясь на задние лапки и держа передние «по-кроличьи» перед собой. Затем припустило со всех лап в направлении сверкнувшего отблеска. Механические, увитые проводами конечности лихорадочно работали, отталкиваясь от песчаных склонов, взбивая железными коготками фонтанчики ржавого песка. Устройство неслось со всей возможной скоростью, насколько позволяла повреждённая в суставе лапа. При этом оно не переставало с громким фырчаньем обнюхивать всю землю на своем пути.

По мере продвижения к цели, поднадоевший пустынный ландшафт вокруг начал меняться, и создание отмечало эти изменения звонким металлическим лаем. Среди бесконечной череды прилизанных дюн стали появляться следы разрушительного катаклизма, что бушевал здесь много лет назад. Смертоносное бедствие это было творением человеческих рук. По пути стали попадаться огромные полузанесенные песком кратеры с остекленевшими краями — места взрывов авиационных бомб. Вокруг воронок были щедро разбросаны обглоданные временем осколки снарядов и изорванная в металлические клочья военная техника. Раскуроченные орудия с повисшими, оплавленными адским пламенем стволами, сгоревшие танки с оторванными башнями, превратившиеся в одно остывшее стальное месиво, обломки пехотных экзоскелетов, еще хранящие в себе почерневшие кости прежних хозяев этого мира, и прочий военный хлам.

Даже спустя минувшие десятилетия, следы изуверской бойни говорили о той ярости, с которой люди здесь убивали друг друга. Беспощадный бой без жалости, без компромиссов. До последнего патрона, последнего солдата, последнего вздоха. На одном из танков чернела сохранившаяся надпись: «Умрем за восьмую поправку к двенадцатому пункту двести четвертого закона!». На другой бронемашине виднелся более лаконичный лозунг: «Спалим весь мир за восьмую поправку!». А на оторванном артиллерийском стволе, по которому с лязгом пробежало создание, было с воодушевлением выведено: «Смерть всем...». Надпись обрывалась, поскольку заканчивался и сам обломок ствола, но в таком, усеченном виде, пожелание солдат прошлого как нельзя лучше подходило к увиденному.

Создание продолжало бежать, перебирая металлическими лапками, изредка лаяло, проносясь мимо утонувших в песке систем реактивного огня и обломков разбитых вертолетов, беспощадно вонзивших в небесное брюхо обломки лопастей. Останки разбитой военной техники нисколько не заинтересовали ушастое устройство. Разрозненные фрагменты файлов подсказывали созданию, что оно было создано для взаимодействия с чем-то подвижным. С чем-то живым. Чтобы установить взаимодействие, устройство многое умело. Умело лаять, фыркать и скулить. Мастерски могло вилять хвостиком и прыгать на задних лапках. Все эти рефлексy прекрасно работали, но, чтобы применить их, нужен был объект воздействия, способный оценить эти действия. Пока устройство было одиноко, не имело объекта воздействия, в его существовании не было никакого смысла. А, значит, нужно было продолжать поиски.

— Гав! Гав-гав! — пролязгало создание железными челюстями и припустило дальше, туда, где топорщились на фоне неба останки древнего города. Не сбавляя скорости, устройство миновало стертые временем защитные рубежи, перепрыгнуло занесенные песком окопы, на дне которых догнивал толстый слой спрессованных человеческих костей — свидетельство кипевшего здесь рукопашного боя. Не заинтересовал создание и чудом сохранившийся человеческий скелет, повисший на железобетонном доте, заслонивший собой стрелковую амбразуру. Проржавевшее дуло пулемета торчало сквозь обломки ребер. Зубы черепа были раззявлены в иступленном зверином оскале. Скелет улыбался. Он получил то, чего хотел.

Устройство бежало дальше, виляя мимо мертвой техники, огибая воронки, оставленные разорвавшимися снарядами. И вдруг замерло, громко зарычало. Ему встретилось нечто необычное, живое. Нечто, что могло бы называться черепахой, не имея оно шести лап вместо полагающихся четырех. Лишние конечности больше подошли бы какому-нибудь гигантскому кузнечнику. Длинные, многосуставные, увенчанные острыми шпорами, они были недвижны. Черепаха была вынуждена таскать их за собой, оставляя за собой две искромсанные борозды в песке. Иногда они цеплялись за препятствия на пути, и несчастное животное мучилось по несколько часов кряду, пытаясь освободиться. Вдобавок, черепаха была слепа от рождения. Ее лишенная глаз морщинистая морда была перекошена от страданий, от невыносимой боли, которой сопровождался каждый шаг, каждый стук сердца этого существа. Беззубый рот искрился в немом крике. За что?! Ответа на этот вопрос не было. Те, кто уничтожал этот мир, не задумывались о последствиях. Действительно, когда речь идет о восьмой поправке, тут не до сантиментов. Черепаха, видимо, была сама виновата, что выжила в радиоактивной буре и приобрела измененный набор генов. Несчастное животное не задавало вопросов, не жаловалось на судьбу, тем более, не пыталось ее изменить. Черепаха просто продолжала ползти, продолжала вдыхать отравленный воздух. Продолжала жить, ибо другой жизни не знала.

Устройство попрыгало вокруг черепахи, порычало и полаяло, заставив животное спрятать голову в панцирь. Создание даже робко потрогало живое существо лапой. Для анализа информации не понадобилось много времени. Очень быстро устройство пришло к выводу, что данный объект, несомненно, живой, но не тот, который ей нужен. Не тот с кем можно было бы взаимодействовать, громко лаять и вилять хвостиком. Поэтому создание пролаяло на прощание и продолжило свой путь.

Вскоре устройство оказалось в городе. В свое время это место испытало на себе всю мощь новейшего экспериментального оружия. Что это было — космический луч, бомба или распыленный порошок — уже не имело значения. Эксперимент и в самом деле удался. Спустя десятилетия следы воздействия инновационного оружия хорошо сохранились. Вся поверхность домов, включая стекла, балконы и даже часть внутренних помещений, под воздействием какой-то невероятной силы превратилась в однородную прозрачную массу и, под своей тяжестью, стекла вниз, застыв на уровне первого-второго этажа прозрачными окаменевшими складками. Все, кто оказался внутри в момент нанесения удара, оказались закупоренными в собственных домах, как в могилах, обречены на долгую, мучительную смерть, без еды и воды, воздуха и солнечного света. Что же до тех жителей города, которым посчастливилось выбежать на улицы... Что ж, на открытую органику новейшее оружие оказывало несколько иное действие.

Перебирая когтистыми лапками, создание выбежало на одну из центральных городских улиц. И сразу увидело их. Их — людей. Двухногих существ, служение интересам которых было смыслом его существования. Устройство радостно взвизгнуло, засверкало всеми лампочками, защелкало внутренними тумблерами и со всех лап, громко лая, понеслось в их сторону. Наконец-то скитания создания закончены, и оно принесет пользу и радость своим творцам! Расстояние, разделявшее их, устройство преодолело в несколько радостных прыжков...

Но, что-то странное, неестественное в поведении людей, заставило создание со скрипом притормозить и замереть в каком-то шаге от своей цели. Тумблеры сухо щелкнули, лампочки погасли. Улегшись на металлическое брюхо, устройство положило голову на вытянутые передние лапки, прижало ушки и непонимающе посмотрело на людей снизу вверх своими черными блестящими глазами. Да, это были они, люди. Те, кого устройство так долго искало. Но, в то же время, не они. Двухногие фигуры были неподвижны. Застыли в тех самых позах, в которых их настигла неотвратимая смерть. Живая человеческая плоть в одно мгновение обратилась в черный камень. Изменение это позволило их телам сохраниться спустя почти столетие. На блестящих обсидиановых лицах можно было разглядеть каждый мускул, каждую морщинку. И, самое главное, выражение этих лиц: перекошенные диким ужасом черты, распахнутые в последнем вопле рты и, конечно, глаза. Сама смерть навсегда отразилась в этих глазах.

Устройство жалобно и протяжно заскулило. Поднялось на лапки и стало обходить окаменевшие фигуры, обнюхивать неподвижные тела. Создание то рычало, то лаяло, то пискляво скулило, трогая лапкой неподвижные изваяния человеческих детей. Невиданное оружие било наотмашь, наверняка, не делая скидок на пол и возраст своих жертв. Оставалось надеяться, что пресловутая восьмая поправка того стояла.

Поскуливающее создание оббежало застывших мертвецов, беспомощно огляделось, шумно втянуло воздух сквозь механические ноздри и распласталось посреди улицы. Все было напрасно. Все было зря. Устройство нашло людей, но никак уже не могло послужить человеческим интересам. Оно хотело выключиться, и замереть тут навсегда, рядом с этими окаменевшими фигурами, словно какой-то постапокалиптический Хатико.

Но создание не могло просто отключиться. У него не было такой возможности. Поэтому устройство продолжало функционировать, видеть, слышать и анализировать. Внезапно его острое зрение, усиленное электронной оптикой, заметило вдалеке одну важную деталь. В конце улицы, песок на мертвой мостовой, был прорежен цепочками повторяющихся отпечатков. Устройство с громким визгом подскочило в воздух, с лязганьем и лаем понеслось к обнаруженным следам. Это и правда оказались следы — следы человеческих ног в твердой обуви. Настолько свежие, что создание учуяло их запах. Отследить человека, их оставившего, теперь не составляло никакого труда.

Устройство бросилось в погоню, не поднимая железного носа от цепочки следов, с частым шумом вдыхая воздух. Когтистые лапки непрерывно работали, управляемые жужжащими сервомоторами.

Семена вдоль цепочки отпечатков, создание через некоторое время покинуло пределы мертвого города и вновь углубилось в пустыню. Ему снова пришлось с собачьим упорством преодолевать одну за другой песчаные дюны. Но теперь создание знало, что цель близка.

Взобравшись на очередной песчаный гребень, устройство, наконец, увидело вдалеке живых людей. Десятка два двухногих прямоходящих фигурок сновали по каким-то своим делам вокруг большого стального здания со сферической крышей.

— Гав! — радостно пролаяло создание. Теперь, когда оно нашло людей, в его существовании появился смысл. Устройство сможет принести несомненную пользу своим создателям. Пользу и радость. Исполнить свое предназначение.

— Гав-гав! — разнеслось по окрестностям, и устройство со всей прыти побежало к скопившимся внизу двухногим. Хотя оно и лишилось былой привлекательности, навсегда потеряв белую пушистую шерсть, что так нравилась детям и женщинам, все же создание не сомневалось, что сумеет найти с людьми необходимый контакт. Все необходимые навыки, позволяющие имитировать поведение маленькой смешной собачки, остались в памяти. Устройство умело тявкать и умильно скулить. Могло танцевать на задних лапках и радостно вилять

хвостиком. Смешную игривую собачку всегда жадно хватали на руки и принимали в любой дом.

Механическое создание бежало к людям со всей прыти, перемигиваясь лампочками и щелкая внутренними тумблерами, и даже не обратило внимания, что один человек зачем-то снял с плеча длинное приспособление и передернул затвор.

Устройство ничуть не испугалось, когда грохнул выстрел, и тяжелая пуля с лязгом клацнула в бок. Продолжая свой бег, создание успело с удивлением для себя отметить, что корпус выдержал прямое попадание. Сухо захлопали другие выстрелы, взметая вокруг бегущего устройства фонтанчики песка. Создание не собиралось останавливаться. Только не теперь, в самом конце пути! Цель устройства была близка. Ему нужны были люди, и оно их нашло. Механическое создание с радостным лаем прыгнуло в толпу людей. От прогремевшего взрыва дрогнула земля, но эхо от него очень быстро потерялось в бескрайней пустыне. «ЖР-2.0» — блуждающая противопехотная мина камуфлированного типа, предназначенная для действия в глубоком тылу противника, выполнила свое предназначение.

[рассказ из цикла «Механология»]

Очевидное — невероятное

Это невероятное событие, повергшее все учреждение в неподдельный, почти потусторонний шок, внезапно и весьма вероломно нагрянуло в самом конце рабочего дня.

Лысоватый Макарыч — потомственный начальник всем известной организации — вальяжно покачивался в ушатанном кресле и перекладывал на столе бумажки. Со стены за его неспешными действиями наблюдали портреты замечательно-дальних родственников, а также газетные вырезки и фотографии в застекленных рамках — подтверждение того, что у хозяина кабинета имелось определенное хобби.

Все-таки непростое это дело — просматривать документы. Пока ажурные стрелки совдеповских часов вкусно съедали оставшееся рабочее время, Макарыч скоблил по строчкам внимательным взглядом и выводил на бумаге каракулевые подписи. Документы, освященные царственными резолюциями, укладывались в пухлую стопку. А некоторые входящие, в основном, жалостливые обращения и письма, Макарыч брезгливо скомкивал, кривясь, словно от зубной боли. С точностью Майкла Джордана длинными и меткими бросками он сразу отправлял подобное в мусорную корзину, установленную у дальней стены. Не исключено, что в иных документах, утилизированных таким образом, могло содержаться что-то дельное, требующее начальственного внимания. Но не терять же из-за этого спортивный навык!

Идиллию руководящего кабинета неожиданно прервал суматошный топот чьих-то тяжелых сапожиц в коридоре. Дверь бесцеремонно распахнулась, и на пороге появился Семеныч.

— Макарыч! — выпалил с порога Семеныч.

— Какого рожна, Семеныч? — приподнял брови Макарыч.

Ворвавшийся также относился к начальственному составу, но был рангом пониже. Являлся, так сказать, руководителем очень среднего звена. В любом случае, текущая позиция в пищевой цепочке организации не давала ему права, вот так, с ноги, открывать державные двери шефа.

Одновременно содрогаясь и захлебываясь от охвативших его чувств, Семеныч первую минуту лихорадочно размахивал руками не в силах вымолвить и слова. При этом то и дело указывал куда-то неопределенно вверх.

Макарыч застыл в пристальном внимании, но не смотря на все усилия Семеныча (к слову сказать, опытного игрока в «Крокодил», «Alies» и тому подобное), так ничего и не понял. Сообразив, что его паническая пантомима не приносит результатов, тот, наконец, переключился на человеческую речь и выпалил:

— Там! В небе! Такое!

Макарыч чуть со стула не упал. Он знал! В тайне от самого себя он всегда это ожидал. Предчувствовал, что однажды они посмотрят на небо и ужаснутся. Макарыч понимал, что это непременно случится! Ужасная беда сойдет с небес и обрушится на головы человечества. Вопреки разумной логике и жизненному оптимизму, Макарыч всегда предчувствовал — это грянет! Неужели поворотный день настал? Именно сегодня? Неужели теперь им предстоят чудовищные испытания, после которых они уже не будут прежними?

— Ты уверен? — схватил начальник Семеныча за грудки, — ну-ка дыхни!

Вбежавший послушно выполнил требования, но тут же, словно спохватившись, выпалил:

— Не показатель!

— Не показатель, — поразмыслив секунду, согласился Макарыч. Быть немного под шафе под конец рабочего было для Семеныча общеизвестной нормой. Притом, не только для него — Макарыч оглянулся на початую бутылку «Арарата» на своем столе. Алкотестер из него в данных обстоятельствах получался весьма сомнительный.

— Кто-то еще это видел? Подтвердить смогут?

— Да все! — с ретивой готовностью закивал Семеныч.

— Так, мне все не нужны! — отмахнулся начальник. — Веди сюда самых ответственных. Сам знаешь, кого.

Через минуту на начальственном ковре заполошно выстроились «самые ответственные работники» — Петрович, Федорович, Семеновна и конечно Завгар Завгарович Завгаров — потомственный заведующий гаражом.

— Это правда? — потребовал подтверждения Макарыч. Он даже не стал уточнять, о чем идет речь. По одному виду встревоженных сотрудников, по их вспотевшим, взволнованным лицам, дрожащим рукам и вытаращенным от ужаса глазам, сразу стало понятно — они тоже все видели. Видели и были испуганы. Как никогда прежде.

«Самые ответственные работники» наперебой загалдели, хватаясь за головы. Конечно, Макарыч мог в любой момент обернуться и глянуть в окно, чтобы лицезреть все своими глазами, но холодный сковывающий ужас перед происходящим словно приморозил его к месту. Сейчас он не мог даже головы повернуть.

— Что же теперь будет с нами! — воскликнула Семеновна.

— Нам конец! — простонал Федорович.

— Надо бежать, прятаться, спасаться! — закрутился на месте Викторovich.

— Отставить панику! — рявкнул Макарыч и все замерли. Начальник сумел взять себя в руки. — Мы не побежим! Мы не станем прятаться! Настало время сплотиться и дать отпор!

— Как же мы сможем противостоять такому? Тому, что в небе? — чуть не всхлипывая, всплеснул руками Петрович. — Да как же возможно с этим бороться? Нет, нам не одолеть! Не выстоять!

— Молчать! — вскочивший на ноги Макарыч ударил кулаком по столу. — Это наша земля! И мы так просто не сдадимся.

Тут по коридору загрохотал стадный топот многочисленных ног — остальные конторские бросились наружу. С улицы донеслись приглушенные вопли ужаса.

— Идем! — скомандовал Макарыч и вывел свою ближайшую свиту из кабинета. Он с трудом переставлял ватные ноги, заставляя себя двигаться к выходу. Но он должен был подать подчиненным пример. Похоже, с этого момента ему и остальным понадобится изрядное количество терпения и мужества. Приближаясь к прямоугольнику дверей, он все еще лелеял слабую надежду, что все это не происходит на самом деле. Что это какая-то ошибка или чья-то глупая шутка. Ведь такого невероятного события не может произойти в принципе!

Но когда они выползли на свет и задрали головы кверху, все подтвердилось.

Оказалось горькой ошеломляющей правдой.

Это было в небе. Вверху. Парило в воздухе.

Увы, судьба приготовила им суровые испытания. Такого подвоха от судьбы они не ожидали. С посеревших небес на них нагрянуло невероятное лихо. Беда, которую в их конторе никто не предвидел. И уж точно никто к подобному не готовился.

Из нависшего над городом тяжелого неба прямо на головы работников коммунального жилищного управления валили густые хлопья припозднившегося декабрьского снега.

[рассказ вне циклов]

Состояние полета

Глубоко на дне этой сияющей бездны атмосфера родной планеты собирала в кружащем танце белые морщинки облаков. Невесомыми пушистыми водоворотами они медленно скользили по прозрачной, как слеза, земной линзе, соприкасались, сливались друг с другом, образуя рваные полотна атмосферных фронтов. Словно переменчивая женщина, Земля то накидывала на себя эту сотканную из облаков фату, то сдергивала ее, демонстрируя океаны и материки безликому космосу. Это захватывающее в своем природном величии полотно астронавты могли видеть через бортовые иллюминаторы всякий раз, когда МКС оказывалась напротив освещенной Солнцем стороны планеты. Каждый раз картина была новой. Божественный вселенский художник не страдал от нехватки вдохновения.

Ощущая каждым мускулом тела пружинистое натяжение нагрузочного костюма, Гурхишвелиа закрыл ручную створку иллюминатора. Космонавт легонько оттолкнулся от стеновой панели и, пролетев несколько метров спиной вперед, погрузился в гудящее, забитое оборудованием и электроникой пространство лабораторно-исследовательского модуля «Destiny». Зависнув в профильтрованном воздухе между испытательных стендов, астронавт ощущал волны воздушных струек, непрерывно обтекающих его тело. Постоянный воздухообмен на станции осуществляли десятки упрятанных в стены небольших зарешеченных вентиляторов. Выкаченный из отсека воздух, проходя систему фильтров, очищался от пыли и микроорганизмов, увлажнялся, насыщался кислородом и вновь подавался в контур станции. Естественно, все вентиляторы на МКС были выполнены по бесшумным технологиям. Но в невесомости, как известно, механизмы работают иначе, чем на Земле, и звучат по-другому. Постоянный назойливый гул от работы вращающихся крыльчаток и рубящих воздух лопаток мог свести с ума. Чтобы заглушить этот негативный фон и уберечь психику космонавтов, на станции частенько звучала музыка. Обычно, заводная, американская. Но, поскольку уже два месяца на станции по техническим причинам отсутствовали астронавты NASA, сейчас играла одна из симфоний Шостаковича.

— Равшан, ты куда запропастился? — раздался по внутренней связи резкий и сухой голос Николая Сопляченко — второго российского пилота.

Стараясь не задеть испытательные стенды и их хрупкое содержимое, Гурхишвелиа подплыл к коммутационному устройству.

— Я на «Destiny», — сказал он, нажав на тангенту. — Решил проверить, как тут поживает наша драгоценная плесень в отсутствии американских коллег.

— Брось! — донеслось в ответ из динамика, — мы оба знаем, что ты не подвержен внезапным приступам трудоголизма. Скорее всего, друг мой, ты не смог побороть абсолютно неприятного мне романтично-ностальгического порыва и опять глазел на небесное тело, что болтается у нас под брюхом.

— Это небесное тело — наша родная планета Земля, удивительная и уникальная, — напомнил Равшан своему черствому коллеге.

— И что с того? На мой взгляд, Венера намного интереснее с точки зрения атмосферных явлений и особенностей климата, — цинично и жестко заявил Сопляченко.

— Господи! Да я совсем о другом говорю! — не выдержал Гурхишвелиа, которого всегда выводила из себя бесчувственность товарища. — Земля — это наша мать, родина. Это родной дом, который всегда ждет нашего возвращения. Неужели, когда ты смотришь в иллюминатор, у тебя не возникает никаких эмоций?

— Когда я вижу в иллюминаторах Землю, я всякий раз замечаю, что она все также далеко, и в случае чего, нам с тобой, мой друг, придется падать очень долго.

— Ты не исправим! — отмахнулся Равшан.

— Хватит болтать. Давай сюда. «Союз» уже приближается. Жду тебя на «Звезде».

— Сейчас буду, — пообещал Гурхишвелиа. Напоследок он поймал кувыркающуюся в воздухе стеклянную коробочку, в которой астронавты уже шестой месяц выращивали новый вид плесени. Колония зеленоватых плесневых грибов *Penicillium*-4С обширно разрослась и не думала останавливать свое развитие.

— Полпроцента в сутки, — оценил Гурхишвелиа и с любовью поцеловал контейнер. — Какая замечательная, просто великолепная плесень!

Равшан расчистил себе путь, растолкав свившиеся кольцами черные провода и заламинированные документы, зависшие в воздухе. Оттолкнувшись от ног от бортового поручня, Гурхишвелиа покинул «Destiny», проскользнул сквозь стыковочный узел и оказался в другом американском модуле — «Unity». Обычно международная космическая станция четко делилась на две зоны — российскую и американскую. Нельзя сказать, что кто-то запрещал космонавтам залетать друг к другу в гости, но все же по месту стыковки модулей «Заря» с «Unity» проходила некая условная граница.

Выполненный в основном из алюминия, стыковочный модуль «NODE-1» представлял собой изнутри цилиндрический коридор, соединяющий жилые и рабочие отсеки МКС. Через этот сегмент станции проходили важные системы и коммуникации, такие как трубопроводы подачи жидкостей, газов, средства регулирования среды, системы жизнеобеспечения, электроснабжения и передачи данных. Модуль имел шесть специальных люков для соединения с другими элементами МКС. К некоторым из них уже были пристыкованы и подключены другие модули станции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.